

ОС

**ПАВЕЛ
КОРНЕВ**

06'92

Павел Корнев

10'92

«Автор»

2021

Корнев П. Н.

10'92 / П. Н. Корнев — «Автор», 2021 — (06'92)

Осень девяносто второго. Гиперинфляция. Ваучеры. Приватизация. Кто-то сколачивает первоначальный капитал, кому-то сколачивают гробы. Перескочить из первой категорию во вторую ничего не стоит, ведь всегда найдётся тот, кому нужнее чужой кусок пирога. Твой кусок пирога. Вот и решай — сдать назад или зайти с козыря двенадцатого калибра, ввязаться в разборки или удовлетвориться синицей в руке. Только решай скорее, иначе выбор сделают за тебя. И хорошо, если просто подставят, могут ведь и в затылок пальнуть...

© Корнев П. Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть первая: Сентябрь	5
05 09 1992	5
05 09 1992	12
05 09 1992	20
06 09 1992	26
06 09 1992	32
06 09 1992	40
07 09 1992	53
07 09 1992	59
08 09 1992	67
08 09 1992	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Павел Корнев

10'92

Часть первая: Сентябрь

05|09|1992

утро

Гранит науки оказался местами твёрдым до одури, местами попросту несъедобным. За прошедшее с окончания школы время я успел порядком подзабыть, каково это вообще – учиться, и мозги воспринимали новую для себя информацию на редкость неохотно. По сути, последние несколько дней я только и делал, что жалел о своём опрометчивом намерении получить высшее образование.

Казалось бы – ерунда, первая неделя первого курса, что там может быть такого сложного? Забей на лекции и пей пиво, благо есть с кем и на что, а сессия ещё очень нескоро, да только я мучился со вступительными экзаменами вовсе не для того, чтобы вылететь по итогам семестра. А не вникну в высшую математику и прочие точные науки и вылечу с гарантией. Это как раз тот самый гранит, который хрен откусишь.

Но были в расписании и предметы, которые не просто нагоняли тоску, а прямо-таки вызывали тягостное недоумение самим фактом своего включения в учебную программу. Нет, понятно, что высшее образование подразумевает расширение кругозора, но нам его принялись расширять определённо куда-то не в ту сторону.

Историю мировых религий читали в огромной аудитории всему потоку сразу, только это обстоятельство и примиряло с необходимостью тратить на всякую муть изрядную часть субботнего утра. На заднем ряду не было нужды изображать внимание, мы играли в очко.

Мы – это я и Витя Медников, тоже поступивший в политех уже после армии. Компанию нам составлял Миша Ильченко с рабфака, но его скосила усталость – слишком уж насыщенным выдался пятничный вечер; он тихонько посапывал, уронив голову на руки. Мы столь откровенно не нагтели и кидали карты на скамью, да и тасовали колоду исключительно под партой.

Я оглядел строчивших конспекты первокурсников, среди которых, к моему удивлению, оказалось не так уж мало девушек, потом вздохнул и задал риторический в общем-то вопрос:

– Ну и кому это надо?

Витя понял меня с полуслова и с издевательской обстоятельностью принялся перечислять:

– Тебе, мне, преподу, декану, ректору, министерству образования...

– Им – понятно. Нам с тобой зачем?

– Чтобы диплом установленного образца получить. По учебному плану должно быть начитано определённое число оговоренных дисциплин. А ты как хотел?

Я только тягостно вздохнул и принялся тасовать колоду. Витя беззвучно заржал.

– Нам ещё повезло! Этот препод раньше курс истории КПСС вёл. Как тебе партийную историю сдавать, а? Да и сам он втирал, что религия – это опиум для народа, а тут, видишь, как обернулось? Тоже не позавидуешь.

– Да ладно, работа – есть работа.

– А может, он из идейных коммунистов?

– Идейные коммунисты сейчас в церковь как на партсобрание ходят, – возразил я. – Атеизм больше не в моде.

– Маятник качнулся, – согласился со мной Медников, а только прозвенел звонок, толкнул локтем в бок соседа. – Миша, подрывайся! Осталась пара физры, и пиво пойдём пить.

– Оба пункта мимо, – помотал Ильченко растрёпанной головой. – Водички хлебну и до дому.

– Вечер удался?

– Ага.

Студенты собирали конспекты, кто в дипломаты, а кто и просто в пластиковые пакеты с цветастыми рисунками, освобождали парты и шумной толпой валили на выход. Я всеобщему поветрию пока не поддался и носил тетради и немногочисленные учебники в сумке с надписью «ВОХ»; вот и сейчас закинул её на плечо, выждал, когда схлынет устремившаяся на выход толпа, и без лишней спешки спустился по проходу меж рядами к кафедре лектора, а там вслед за остальными прошествовал в коридор.

На крыльце Миша Ильченко пожал нам руки и потопал к остановке, не пожелав оставаться на последнюю пару. Ну да – в его состоянии физические нагрузки определённо противопоказаны.

Медников повертел головой, высматривая одноклассников, потом закурил.

– Угощайся, – протянул он мне пачку «Мальборо».

– Красиво жить не запретишь? – усмехнулся я и отказался. – Спасибо, не курю.

– А, точно! Спорт наш друг? – с усмешкой произнёс Витя, затаился, выдохнул дым и ожидаемо продолжил: – Кто не курит и не пьёт, тот...

– В курсе, – оборвал я его и спросил: – Не видно наших? Я ещё никого не запомнил толком.

Студенты из учебного корпуса так и валили, но знакомые лица на глаза не попадались, и я посмотрел на наручные часы с изумрудным циферблатом в тон спортивному костюму.

– Вон наш стоит, – ткнул сигаретой Медников в растерянного патлатого паренька, потом указал на двух девчонок с одинаковыми обесцвеченными кудряшками химической завивки. – И эти тоже наши.

– Двинули, наверное?

– Успеем! – отмахнулся Витя, осмотрел меня и покачал головой. – Ну ты как пэтэушник какой-то!

Речь точно шла не о штанах с широким лампасом и олимпийке, которые надел по случаю субботы и физкультуры, ведь и сам Медников был в спортивном костюме, пусть и накиннул сверху пиджак, потому уточнил:

– В смысле?

– Сумка! – пояснил Витя. – Когда в армию уходил, такие пэтэушники уважали.

– И старшекласники, – парировал я и поправил накиннутый на плечо ремень. – Смотри, эти точно наши. Двинули.

– Да, пошли.

Медников выкинул окурок в урну, и мы пристроились в хвост небольшой процессии, направившейся к корпусу, где проходили занятия физкультуры. Процессия была именно что небольшой – на последнюю пару осталась от силы половина группы. Разом выровнялось соотношение парней и девушек, я присмотрелся к соученицам и решил, что среди них есть вполне симпатичные.

Первокурсницами заинтересовался не один я; вывернувшая с парковки красная «восьмёрка» притормозила, следом опустилось стекло с зеркальной тонировкой.

– Эй, красавицы! – высунулся с водительского места паренёк в модных солнцезащитных очках. – Вы и так спортивные, поехали кататься!

Тип был определён из нашей группы, замечал его пару раз на семинарах. Эдакий вальяжный крепыш с лёгкой склонностью к полноте, который поступил вместе с парой приятелей. С ними он преимущественно и общался, хотя женскую часть группы вниманием тоже не обделял, а тут и вовсе решил пустить пыль в глаза демонстрацией автомобиля.

Девчонки впечатлились, но дур среди них не нашлось, приглашением не воспользовалась ни одна. Нет, наверняка кое-кто с удовольствием составил бы богатенькому мальчику компанию, только не вот так – с бухты-барахты, а после должного ухаживания или хотя бы персонального приглашения.

– Лучше подвези! – выразила общую мысль крашенная блондинка в брючном костюме с короткой стрижкой под мальчика и со столь же худощавой фигурой.

– Да кому эта физра нужна? – презрительно фыркнул мажор, высунул в окно руку и согнул её, демонстрируя бицепс. – Во!

Несмотря на излишнюю мясистость, мускулатура оказалась вполне достойной, и на этот счёт шуток не прозвучало, а потом машина резво тронулась с места и укатила прочь.

– Что за мажор? – спросил я у Медникова, который, такое впечатление, знал решительно всех.

– Вася Лукин, – подсказал тот и добавил: – У него батя на субаренде помещений одного заводика тут неподалёку сидит.

Я озадаченно поскрёб затылок.

– Субтропики знаю. Субординацию знаю. Субаренду не знаю. Что за зверь?

– Передача арендованных помещений в аренду кому-нибудь ещё.

– И в чём смысл?

Медников хохотнул.

– Ну как тебе объяснить? Вот есть у тебя знакомый директор завода... Есть?

– Нет, но ты продолжай.

Мы перешли на другую сторону проспекта и двинулись мимо сквера с неработающими фонтанами, а от киоска звукозаписи на остановке вдогонку понеслось:

Что такое осень?¹

Голос узнал сразу: и Зинка кассеты с русским роком регулярно таскала, и сам не раз эту группу по радио слышал. Не могу сказать, что был поклонником ДДТ, а их «Родину» скорее активно не любил, но к этой песне прислушивался, пока музыку не заглушил уличный шум, благо Мельников взял паузу, собираясь с мыслями, и вновь заговорил уже на углу следующего здания.

– Ну вот, допустим, у завода проблемы со сбытом, растут неплатежи, живых денег нет, производство или уже остановлено, или работает исключительно на склад. Теоретически можно сдавать свободные площади кооператорам или конторы фирмочкам купи-продайкам. – Витя кивком указал на противоположную сторону дороги, где высилось административное здание какого-то завода. – Вот такое, к примеру, почему не сдавать?

Над боковой улочкой от цехов куда-то к соседним домам протянулся застеклённый переход, и я решил, что по нему рабочие посещают столовую, не покидая при этом территории режимного объекта, поэтому и покачал головой.

– Не, тут явно оборонка.

– Да не суть важно! Если брать за аренду реальные деньги, они поступят в кассу и уйдут в фонд оплаты труда. Ну или придётся их как-то оттуда выцарапывать, что чревато визитом

¹ «Что такое осень?», группа ДДТ

людей в форме. Но можно заключить договор с фирмой-прокладкой и получать с неё по три копейки за квадратный метр. В месяц или даже год, не принципиально!

– А подставная контора передаст эти помещения в эту... как её... субаренду по нормальным расценкам? – догадался я.

– Именно! – подтвердил Витя мою догадку. – В зависимости от места можно лупить три-четыре тысячи в год за квадратный метр и даже выше. Чуешь, какой получается навар? Его – пополам. Ну или какие у них там договорённости, не в курсе. Перед приватизацией, правда, проверки проводят, но аудиторам всегда можно на лапу сунуть.

Я вздохнул.

– Обратно загадками говоришь. «Ауди» – знаю, аудио – тоже, а...

– Аудиторы – это сторонние бухгалтера, которые шерстят документацию предприятий, – терпеливо пояснил Медников.

– Чё-то ты, Витя, до фиги слишком умный. В каком полку служили?

– А ты расширай кругозор, Серёжа. Сейчас без этого никак.

Мы свернули с улицы во двор корпуса, где проходили занятия физкультурой, и староста отправился на поиски преподавателя, остальные остались дожидаться его в тени. Начало сентября выдалось на редкость жарким; по прогнозу днём воздух должен был прогреться до двадцати градусов, а на солнце сейчас припекало и того сильнее. Те из наших одноклассников, кто явился на занятия в свитерах или ветровках, сняли их и либо убрали в пакеты, либо повязали вокруг поясов. Девушки расстёгивали кофточки, и вид получался небезынтересный.

Минут через пять вернулся староста.

– Минуту внимания, пожалуйста! – объявил он, подняв над головой руку.

– Физкультура отменяется? – выкрикнул кто-то, и все вразнобой заголосили.

– Занятие будет по расписанию! – разочаровал нас Митя Рыбин – долговатый паренёк, поступивший после рабфака. – В деканате просили сообщить, что на следующей неделе поедем на картошку! Точные сроки объявят позже. А теперь проходите в раздевалку. Сегодня играем в волейбол и баскетбол, со следующей недели будем ходить в парк на лёгкую атлетику. На ЛФК – настольный теннис.

Я решил не бросать сумку без присмотра и отправился вслед за остальными, прошёл в зал, откуда доносился скрип подошв и сочные отзвуки ударов, там на какое-то время и завис. Шла игра в волейбол; и, судя по отточенности движений, слаженным действиям команд и стремительным полётам мяча, тренировалась как минимум сборная факультета. Женская сборная. Я так и засмотрелся на высоких стройных девиц, многие из которых отличались не только спортивным сложением, но и радовали взгляд приятными на вид округлостями.

Когда после короткой переключки преподаватель физкультуры сформировал новую команду из наших одноклассниц, я им даже немного посочувствовал. Впрочем, не настолько, чтобы броситься на амбразуру самому, – стоило физруку подозвать нас с Витей и предложить присоединиться к игре, сразу взял самоотвод.

– Не-не-не, – замотал головой. – Мне нельзя, у меня профнепригодность.

– Как это? – озадачился преподаватель, который был разве что лет на пять постарше нас. – Волейбол противопоказаний не имеет!

Я прикрыл голову согнутыми в локтях руками и наметил уклонение сначала в одну сторону, потом в другую.

– Боксом занимаюсь, от мяча уворачиваться стану, – мотивировал свой отказ и, надо сказать, душой нисколько не покривил – лупили девахи так, что попадание в голову запросто могло обернуться сломанным носом или сотрясением мозга.

– А я бы лучше в баскетбол поиграл, – попросту сказал Медников, который сложением и в самом деле весьма подходил для этой игры. Был он на голову выше меня, очень жилистым

и крепким, с длинными мускулистыми руками. – Ты как, Сергей? Или из игр с мячом только литробол уважаешь?

– Ещё «От ворот до ворот», «Квадрат», «Одно касание» и «Вышибалы», – заявил я в ответ.

– Мяч возьми в тренерской и организуй всех, – распорядился тогда преподаватель, а в помощь девчонкам отрядил пару пацанов, слишком уж замешкавшихся в раздевалке.

Я подумал, не заикнуться ли об освобождении – всё же две тренировки в боксёрском зале и пара походов в качалку вкупе с бегом по воскресеньям давали вполне достаточную физическую нагрузку, потом решил не нарываться и вышел на улицу.

От игры в баскетбол увильнуть не стал, но и особо в её процессе не напрягался, поскольку горячей воды в душе не было, а ехать домой через весь город потным и вонючим по понятным причинам не хотелось. Да и баскетбол, если разобраться, нравился мне ничуть не больше волейбола – я не любил массовые окучивания мяча в принципе. Но тут, куда деваться, побегал. Упрел даже немного.

Когда после окончания пары умылся и покинул зал, Витя Медников уже стоял в воротах на выходе со двора и курил. Компанию ему составляла одна из наших соучениц в клетчатой юбке чуть выше колен и блузе; её русые волосы были стянуты резинкой в конский хвост.

Медников сначала указал сигаретой вдоль улицы, потом махнул направо.

– Смотри, Оль! Как перейдёшь на другую сторону проспекта, никуда уже не сворачивай. Тут двух остановок нет. «Пельмени» пройдёшь, и почти сразу почта будет.

– Спасибо, Витя! – улыбнулась девушка и зашагала по тротуару.

Фигура показалась мне вполне достойной внимания, да и лицо было премиленьким, поэтому я воззрился на приятеля с откровенным недоумением.

– Чего? – перехватил он мой взгляд. – Спросила, где ближайшая почта. Я подсказал.

– Ну ты же понимаешь, что она не просто так именно у тебя об этом спросила? Ты чего не проводил?

Медников хохотнул.

– А! Ты об этом! – Он затаился и указал сигаретой на удаляющуюся девчонку. – Догони, проводи, потом в кафе пригласи. На следующих выходных, если не раньше, уже будешь её наяривать. Но – не советую.

– И почему же?

– Оля девушка серьёзная и намерения у неё тоже серьёзные. Готов к семейной жизни?

Я кивнул.

– Готов. Но не с ней. А вот вы друг другу подходите.

Медников озадаченно глянул на меня, тогда я с усмешкой пояснил:

– Оба клетчатые!

Мой одноклассник уставился вслед Оле, затем перевёл взгляд с её обтянутой клетчатой юбкой задницы на собственные штаны свободного покроя и пропел:

– Клетки, клетки, клетки... – Он вопросительно взглянул на меня и уточнил: – Как там дальше у «Любэ»?

– Конфетки-вагонетки.

Витя кивнул, кинул окурок на асфальт и растёр его носком кроссовка.

– По пиву? – предложил, перебросив пиджак через руку.

– Не откажусь.

– Тут кафешка есть на перекрёстке...

Я придержал приятеля и развернул его в другую сторону.

– Видишь, лампочка горит? Нам туда.

Медников приставил ладонь козырьком ко лбу, поглядел на пивной киоск у здания троллейбусного депо и пожал плечами.

– Против разливного ничего не имею. Идём!

К киоску выстроилась небольшая очередь, в которой вперемешку стояли студенты, местные жители и работники завода, но долго ожидание живительной влаги не продлилось, вскоре мы взяли по литровой банке и отошли в тенёк.

Увы, пиво оказалось водянистым, и Медников недовольно скривился.

– Сели бы сейчас в кафешке как белые люди, купили по бутылке «Балтики». Пробовал «Балтику»? Отличное пиво!

– Витя, ты не прав! – возразил я. – И очень скоро в этом убедишься. Поясни лучше насчёт Оли...

– Запал?

– Да нет, просто интересно, как ты на её счёт так быстро мнение составил.

Медников хлебнул пива и усмехнулся.

– Я же на подготовительные курсы ходил, там много кто из нашей группы был. И Оля в том числе. Она умница, но слишком уж целеустремлённая. Такое впечатление – уже всё и за себя, и за своего будущего избранника распланировала. А с её папой не забалуешь, придётся по струнке ходить. Вот Вика – это дело! Видел Вику?

Однорупник столь ловко перевёл разговор на другую тему, что я личностью Олиного папы интересоваться не стал и лишь кивнул. Вику я видел. Не обратить на неё внимания мог только слепой или человек с насквозь неправильной сексуальной ориентацией. Пусть Викина фигура и не вписывалась в заветные стандарты, но не вписывалась правильно и в правильных местах. Рост ниже среднего, широкие бёдра, крупная грудь. Ещё и настроение вечно приподнятое.

– Вика-Вика-Виктория, тебя хочу на море я! – напел Медников и вздохнул. – Вот с ней дружить милое дело. Сначала на дискотеку, потом в койку. И никаких обязательств.

– Разоришься, – заметил я.

– Не без этого. Но вот есть ещё Женя...

Женю я тоже знал. Крашеная блондинка с короткой стрижкой, мальчишеской фигурой и каким-то слишком уж строгим и взрослым, но при этом весьма и весьма милым лицом.

– Женя спокойная – просто капец. Флегма, – начал развивать свою мысль Медников. – Её даже по кафе водить не надо, хватит «Сникерса», а то и просто шоколадная плитка «Пальма» сгодится, главное – внимание. Раз в неделю потрахались для здоровья и разбежались. Без изысков, зато стабильно.

– Хрена! – рассмеялся я. – В тихом омуте черти водятся.

– Так хорошо разбираешься в женщинах? – усмехнулся Витя.

– Неплохо разбираюсь в тех, кто может пырнуть ножом.

Медников внимательно посмотрел на меня, покачал головой и прикинул к посудине с пивом.

– Кислятина! – выдал он после этого и совершенно напрасно: пусть пиво и разбавили, оно при этом нисколько не кислило. Сразу видно – утренний завоз, не вчерашнее.

Я приложился к банке, вытер губы тыльной стороной ладони и произнёс:

– Субаренда – интересная тема. Мы один объект охраняем, но собственник его в аренду сдавать не хочет. А вот если задействовать контору и включить в договор пункт о субаренде...

– И левых людей на охраняемый объект запустить? – фыркнул Медников. – Не вариант.

– Не левых, а проверенных, – возразил я. – Да и зачем запускать? Товар закинуть на склад, а потом выдать и всё.

– Не, это уже не субаренда, а ответственное хранение получается, – поправил меня однорупник. – Вы принимаете товар на хранение и обязуетесь обеспечить его сохранность, вам за это платят. Но как на это собственник посмотрит...

Я махнул рукой, хлебнул пива и кивнул на приближающуюся к ларьку компанию. Испить живительной влаги возжелали наши одноклассники со старостой во главе.

– Теперь понимаешь, почему сюда идти надо было? Место встречи изменить нельзя!

Медников проследил за моим взглядом и ухмыльнулся.

– Давай ещё возьмём, – предложил он, и я отказываться не стал, но хоть пиво и было разбавленным, ограничился поллитровой банкой.

Постояли, потрепались, заодно поинтересовались размерами и сроками выплаты стипендии, но тут староста ничего конкретного сообщить не смог, как затруднился сказать, когда поедет помогать с уборкой урожая селянам и сколько проторчим в качестве бесплатной рабочей силы в полях. В общем и целом, неплохо время провели, заодно полшутя-полусерьёзно договорились тут по субботам после физкультуры встречаться.

Первую традицию завели, ага...

05|09|1992

день

На пиво я не налегал и вскоре в компании Вити Медникова двинулся к троллейбусной остановке.

– Учти – насчёт Оли я серьёзно, – предупредил меня одноклассник и встряхнул пиджак, прежде чем его надеть. – Если не готов жениться...

– Да чего ты заладил?

– Видел я, как ты на её задницу пялишься!

– Проехали, у меня девушка есть.

– А что мешает иметь сразу двух девушек? – хохотнул Витя.

– Русо туристо. Обликом морале! – отшутился я.

– Брось! Жить надо на полную катушку, чтобы потом не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы! Ну сам посуди – на товарищеский суд теперь никто не потащит, разве что на алименты подадут.

– На фиг, на фиг!

Медников достал из кармана мятную жвачку, одарил меня одной пластинкой и заторопился при виде троллейбуса девятнадцатого маршрута.

– Всё, Серёга, бывай! До понедельника!

– Счастливо! – махнул я ему на прощание рукой и закинул в рот жвачку, да и сам на остановке долго не проторчал: следом подкатила нужная мне «восьмёрка».

Поехал домой, а когда на «Спартаке» зашли контролёры, спокойно продемонстрировал студенческий проездной и студенческий же билет. Ну а как иначе? Если шесть дней в неделю мотаться через весь город туда и обратно на учёбу, рано или поздно прихватят и придётся платить штраф. И ладно если неприятность сия случится уже после занятий, а ну как попадётся на пути из дома? В деканате уважительной причиной для прогула такой случай точно не сочтут, и мало ли как аукнется пропуск лекции? Ещё не хватало недопуск до экзамена схлопотать. Если кому-то из преподавателей на посещаемость было откровенно наплевать, то другие собирали списки и по головам студентов пересчитывали или переклички устраивали. Вроде отучились всего-ничего, а уже несколько раз отметиться успел.

Вышел я за несколько остановок до дома – на «Книжном мире», просто решил заглянуть в одноимённый магазин и глянуть появившиеся за неделю новинки. В длинном торговом зале вдоль стен тянулись книжные полки, стояли они и поперёк – так, что образовывали ниши, зайти в которые не позволяли столы. На тех, понятное дело, тоже лежали книги. За каждым присматривала своя продавщица, и всех обслуживала единственная касса.

Я на остроту зрения не жаловался, поэтому быстро изучил ассортимент, попросил отложить сборник Рекса Стаута, а затем ещё и Эрла Стенли Гарднера, но после недолгих колебаний заменил последнего на Дика Френсиса, решив окунуться в нелёгкую жизнь английских жокеев. Сходил оплатить книги, вернулся и обменял их на чек.

Покупки сунул в сумку, вышел на высокое крыльцо, задумчиво посмотрел на одноэтажный пристрой к жилому дому через дорогу с вывеской «МОКАС» поверху. Мода, качество, стиль, ага. Но не пошёл туда, хоть и была идея присмотреть на осень куртку. Идея была – денег не было.

Нет, Козлов не нагрел и на те злосчастные двадцать тысяч претендовать не стал, как не упомянул их и ни в одном из отчётов. Но, перефразируя, старину Винни Пуха: «деньги – это очень странный предмет». Легко пришли, легко ушли. Зинку в кафешки водил, подарок ей на день рождения приготовил, родителям немного отправил, себе что-то по мелочёвке купил,

книги опять же недешевы нынче – вот и разошлась двадцатка за полтора месяца. Ну да не страшно – сегодня дядя Петя зарплату принесёт, и на какое-то время всё образуется. А там стипендию выплатят, да ещё Андрей денег за сборку мебели подкинет – шиковать не буду, но и голодать не придётся.

Как не придётся и давать показания на Рустама Садыкова: тот ещё в больнице пошёл на сделку со следствием. А чего ему не пойти? С подрывом автомобиля его связать не смогли, а на склад они заявили якобы не разборки учинять, а вызволять племянника попросившего о помощи знакомого. Симака с подельником так и не задержали, они будто сквозь землю канули после того, как отвезли Федю-заика в больницу, ну а этот контуженный как-то умудрился с Рустамом показания согласовать – едва ли они заранее такое развитие событий предусмотрели. Хотя мог просто потерю памяти разыграть.

Как бы то ни было, старший оперуполномоченный капитан Козлов свою нехорошую фамилию не оправдал и о моём участии в том деле в официальных бумагах не упомянул. Ну и нормально, нашим легче.

Когда вышел из магазина, от остановки только-только отъехал троллейбус, и я решил не дожидаться следующего, а пройти пешком. Погода отличная, настроение после пива приподнятое, почему бы и не пройти? Ну и двинулся без лишней спешки, что называется – на свою голову...

На младшего из Кислых нарвался на «Диете», стоило только миновать сберкассу и выйти к блошиному рынку за остановкой. Торговали там всякой всячиной – от картошки и яблок с приусадебных участков до семечек и сигарет поштучно. Где-то на картонке стояли разнокалиберные бутылки с пивом, водкой, настойками и креплёным вином, где-то высились пирамидки из банок тушёнки, ну а кто-то распродал старые вещи: ношеную одежду, книги из домашней библиотеки, издавшие виды фотоаппараты и радиоприёмники. Скупщики золота и награды тоже присутствовали, куда ж без них.

Покупателей по случаю выходного дня было в избытке, ну я и зевнул – не заметил сидевших на корточках немного поодаль пацанов. Так бы просто свернул к остановке, а теперь только и оставалось, что сделать лицо кирпичом и шагать, как шагал. С самим Кислым и Мишей Пантелеевым встречался за прошлый месяц неоднократно и всякий раз мы просто игнорировали друг друга, но сейчас компанию им составляли два старшака и не кто-нибудь, а те самые, с которыми как-то схлестнулся на пару с Андреем Фроловым: крепыш Боря-Бонифаций и его долговязый приятель Клёпа. А у меня ни опасной бритвы с собой на кармане, ни телескопической дубинки или топорика в сумке.

Нехорошо.

Впрочем – плевать! Им первыми лезть не с руки, а сам нарываться не буду, не совсем дурной. Сделаю вид, будто не заметил, и дальше пойду.

Вот только, как оказалось, пацаны углядели меня ещё на подходе, и тусовались они тут не вчетвером, а впятером. Это стало ясно, когда из-за киоска «Союзпечати» вынырнул коротко стриженный паренёк моего роста, но заметно более массивного сложения.

Артём Захаров! Учились в одной параллели до восьмого класса, а вот после армии не пересекались ни разу.

– Здорово, Енот! – окликнул меня Тёма и протянул руку.

Я оглянулся, заодно окинул взглядом пустую остановку, потом без всякой охоты пожал мясистую ладонь и спросил:

– Как сам?

Спросил, желая задать тон разговору, попутно прокручивал и прокачивал варианты развития событий. Захаров тут пассивен не сам по себе, он точно зависал с Кислым. Выходит, отправили занозиться. Что-то он мне такое должен сказать, после чего придётся ему вломить. Тёма

хоть и походил сложением на того же Пантелея, был всё же откровенно рыхловат, его уработаю на раз-два, ударную технику за август неплохо поставили, но вот дальше...

Захаров как-то очень уж суетливо вытер потную ладонь о штанину и осклабился.

– Говорят, ты с симпотной малолеткой замутил? Познакомь, а? От неё не убудет!

Сохранить видимую невозмутимость помогли полтора литра пива. Сейчас я пребывал в той стадии лёгкого опьянения, когда мир кажется прекрасным и ты, если и не рад каждому встречному, то как минимум не видишь в нём врага или жертву. И я удержался от прямого в челюсть, вместо этого закинул на плечо Захарова правую руку и улыбнулся.

– Тёма, ты ведь в армии служил?

Не знаю, что сработало – подчёркнуто панибратский жест или вопрос, вдвойне нелепый при разговоре с человеком, который после избиения дедами на втором месяце службы попал в госпиталь, откуда в часть уже не вернулся. В любом случае Захаров лишь выдавил из себя озадаченное:

– А чё? – но вот разорвать дистанцию ему в голову не пришло.

Непринуждённым движением я развернул Артёма обратно к киоску «Союзпечати», за которым он прятался до того, и не просто развернул, но заставил шагнуть вместе со мной к остановке. А тут и троллейбус подъезжает, и Кислый с братвой не спешит с места подрываться, со стороны наблюдает. Всё в масть.

Миг спустя Захаров опомнился и заупряился, но к этому времени мои пальцы уже нащупали болевую точку между ключицей и основанием шеи и надавили на неё, легко преодолев сопротивление не слишком проработанной мускулатуры. Разумеется, Артём мог вырваться, но изгибаться и корчиться на виду у приятелей, пытаюсь скинуть с плеча руку... это не по-пацански как-то. Заколебался Артём, засомневался, дурачок.

Ну а я ему времени на принятие решения не дал.

– Если ударить человека заточкой в основание черепа, он умрёт мгновенно. Ты знал? – обратился к Захарову, не позволяя тому собраться с мыслями. И своего добился.

– Ты гонишь, Енот? – опешил Артём и позволил завести себя за киоск, где нас уже не могли видеть его приятели.

– У тебя есть основание затылка, – улыбнулся я. – У меня заточка. Поразмысли об этом, второй раз предупредить не стану.

Захаров так ничего и не понял, подумал, будто легко отделался. Увещевания и угрозы – для слабаков, плюнуть и растереть. «Енот сдулся», – решил Тёма и попытался отступить в сторону, а я развернулся вместе с ним, да ещё придал ускорения толчком в спину. Ну и ногу выставить не преминул, о которую Артём и запнулся, да так лихо, что со всего маху впечатался лицом в боковую стенку киоска, аж металл загудел.

Захаров сполз на землю и зажал разбитый нос, меж пальцев потекла кровь. Я глянул на него сверху и добавлять с ноги не стал, лишь вздохнул.

– Что ж ты, сука, такой неуклюжий? Убьёшься так...

Начали оглядываться прохожие, и я заскочил в распахнувшиеся двери троллейбуса, а только отошёл с площадки к окну, и те с лязгом закрылись. Транспорт рывком тронулся с места и под приглушённый гул электромотора покатил по дороге, оставляя братву Кислому ни с чем.

Всё проспали, ур-р-роды...

Но к дому в итоге подходил в отнюдь не самом лучшем расположении духа. Пусть ничего такого уж страшного и не случилось, просто на прочность проверили – дело житейское, меня так и потряхивало. Вот же твари, взбесили – просто сил никаких нет...

Наверное, именно поэтому, когда Саня-Татарин прошёл наперерез к подъезду и не просто не поздоровался, но даже не кивнул, я не стерпел и рывкнул:

– Саня, бля! Шары разуй!

Эффекта – ноль. Более того – паренёк хоть и поднялся на крыльцо, в подъезд заходить не стал, а обогнул стенку и долбанул ладонью по дверцам каморки мусоропровода.

– Лесси! – крикнул он. – Лесси, вернись!

Я озадаченно присвистнул. Шотландская овчарка по кличке Лесси сдохла ещё до моего ухода в армию, поэтому объяснение столь странного поведения татарчонка могло быть только одно: пацан закинулся чем-то психотропным. С водки и даже с травки совсем по-другому прёт, тут что-то помощнее. Если только с жарёхи так вставить могло...

– Лесси! Вернись!

Прежде чем успел вмешаться, прибежали Илья Кузин из соседнего подъезда и Колян – тот самый прыщавый пацан, что месяц провалялся в больнице после того, как прострелил себе ногу собственным самопалом.

– Саня, не гони! Пошли! – Они попытались увести татарчонка, но тот вырвался.

– Там Лесси! Её в канализацию затягивает! Надо помочь!

– Пошли! Пошли давай!

На пару пацаны уgomонили приятеля и отвели его от подъезда, тогда я спросил:

– Чем закинулся?

Кузьмин подслеповато сощурился, узнал меня и поздоровался.

– Привет, Енот! Три таблетки «тарена» съел, ну и накрыло.

Мне приходилось сталкиваться с этим спецпрепаратом, предназначенным для снижения эффекта действия ряда отравляющих веществ, поэтому только вздохнул.

– Вот вы безмозглые!

– Да чего там? – округлил глаза Кузьмин. – Это просто Санёк три колеса за раз принял, с двух никого так не выносит.

– Точняк! – подтвердил Колян и спросил: – Сигареткой не угостишь?

Я покачал головой и двинулся в свой двор. На спортивной площадке сгрудилась в круг малышня, кто-то завёл считалку:

– Со второго этажа полетели три ножа:

Красный, синий, голубой, выбирай себе любой!

А от теннисного стола доносился размеренный и чёткий перестук; белый пластиковый мячик беспрестанно летал то в одну сторону, то в другую: туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда.

Играли Семён Зайцев и Юра Поликарпов и, судя по недовольному виду рассевшихся на лавочке пацанов помладше, играли они уже долго. Знакомое дело: вклиниться на одну партию, довести до розыгрыша на «больше-меньше» и резаться в своё удовольствие, не забывая выравнивать счёт. Впрочем, под лавочкой лежал свежий сигаретный окурочок со скрученной в трубочку боковиной пачки вместо фильтра, так что Поляк и Рыжий скорее всего решили вопрос полюбовно, раскурив с компанией пионеру или две.

Я поздоровался со всеми, только Сёма с Юрой не отвлеклись от игры.

– Енот, погодь! – попросил Поляк. – Пять сек!

Он одно время ходил в секцию настольного тенниса и даже заработал какой-то разряд, а вот его противник был из дворовых самоучек и на этой почве их соперничество носило куда более принципиальный характер, нежели просто дружеская партия субботним вечером. Точнее – днём.

– Не уходи! – попросил меня и Рыжий.

– Жду, – пообещал я, и в этот момент во двор завернула Зинка со своей неразлучной подружкой Ксенией.

Обе по поводу последних тёплых деньков нарядились в блузки с пышными плечами, юбки до колен, гольфы и кроссовки, только моя ненаглядная по своему обыкновению предпочла заплести чёрные волосы в две косицы, а у Ксюши те были обесцвечены и завиты. Да ещё

одна ходила в школу с дипломатом, а другая с сумкой на длинном ремне: очевидно, мода на цветастые пакеты до школьников пока что ещё не добралась.

Но – нет, добралась. Почти сразу за девчонками во двор зашла парочка их одноклассников и, если чернявый парнишка среднего роста шагал с заплечным ранцем, как до моего ухода в армию было принято у пацанов из Десятки, то второй – повыше и куда массивней – тащил тетради и учебники в пластиковом пакете.

Нет, всех одноклассников Зинки в лицо я вовсе не знал, но этих двух уже видел и даже как-то шуганул с её этажа. С пакетом шёл тот самый «бычок», о чьих попытках ухаживать Зинка поведала летом с нескрываемым раздражением. Как же его...

Ах да, Филипп Зимин! Он же Фил. Вот же сучонок непонятливый...

Фил и его приятель шли за девчонками и, судя по гаденьким улыбочкам, их и обсуждали, и это не понравилось просто-таки до чрезвычайности. Да что там! Когда Зинка оглянулась, а после этого ускорила шаг, у меня чуть крышу не сорвало. Я матернулся в голос и двинулся наперерез парням.

– Енот, погодь! – вновь окликнул меня Поляк.

– Да не ухажу никуда! – отмахнулся я, и тут парочка оболтусов как-то резко поскуцнела, развернулась и потопала прочь, а Зинка поспешила напрямик через газон.

– Серёжа, ты только не волнуйся, у этих дураков просто детство в одном месте заиграло! – выдала она, придержав за руку.

– Не приставали? – уточнил я, намереваясь рвануть вдогонку. – Точно?

– Да просто идиоты! – высказалась и Ксения. – Корчат из себя невесть кого!

Я выжидающе посмотрел на Зинку.

– Всё в порядке, Сергей, – уверила та меня. – Фил пристал как банный лист – никак не отвяжется, но я с ним в школе сама поговорю. Хорошо?

– Лучше я. После школы.

– Ой да вот ещё! – фыркнула Зинка, которая моментально вернула себе присутствие духа. – Фил меня и пальцем не тронет! Не переживай даже!

– Выпендривается больше! – кивнула Ксюша.

Я с нескрываемым сомнением посмотрел на подружку, та успокаивающе погладила по руке.

– Всё хорошо, Серёжа! Ты сегодня дома будешь?

– Только до девяти. Мне в ночь на работу.

– Тогда я зайду попозже. Ладно?

– Буду ждать.

Я наклонился поцеловать Зинку, но та шустро отступила и округлила глаза.

– Не здесь же! А если мама увидит?

Мама! Тётя Софья была решительно вездесуща и настроена ко мне отнюдь не столь благосклонно как Зинкин папенька, так что я решил не ставить подружку в неловкое положение и лишь хлопнул её пониже спины.

– Жди, скоро приду! – пообещала Зинка и на пару с подружкой потопала к подъезду.

А я вернулся к теннисному столику, где на этот раз дворовое мастерство оказалось сильнее спортивной выучки. Рыжий взял верх, и Поляк вручил теннисную ракетку следующему игроку, а сам забрал с лавочки свою сине-белую олимпийку и отошёл ко мне.

– И что это было? – спросил он, достав из кармана пачку «Бонда» и одноразовую газовую зажигалку.

– У моей одноклассник дурит. Ничего, ещё вправлю мозги.

– Не перестарайся только, – усмехнулся Поликарпов, сунул сигарету в рот и закурил. – А лучше купи ей газовый балончик. Раз пшикнет – больше не подойдёт. Убойные штуки есть и без всяких последствий можно применять.

– У тебя есть?

– Ну так, а чего бы я разговор начинать стал?

– И почём?

– По двадцать обычно идут, но только для тебя сделаю по девятнадцать. Возьмёшь два – уступлю по семнадцать. У меня как раз пара завалилась.

Я озадаченно уставился на Поляка.

– По семнадцать – это как?

– Ну ты тёмный, Енот! На них в дойчмарках цены.

– Да кто тебя знает, в дойчмарках или долларах! – чисто из принципа отбрехался я, хоть мысль о валюте и в голову не пришла.

– Не, – усмехнулся Юра. – Газовые стволы и баллончики из Европы везут, на них цены в марках. Ну так что – возьмёшь?

Кое-какой валютный запас на чёрный день у меня имелся, поэтому курсы я время от времени отслеживал и знал, что марки сейчас идут по сто пятьдесят рублей. Пара баллончиков тянула на пять штук, но сразу два мне были и не нужны. А один не разорит.

– Один возьму, – решил я. – Подожди, только за деньгами схожу.

– Вот ни фига ты, Енот, в бизнесе не шарить! – вздохнул Поляк. – Бери два, дешевле же выйдет!

– И куда они мне?

– Да куда угодно! Не нужен будет второй – продашь! Давай так – за один день сразу отдашь, остальное до конца месяца. Нормально?

Я поглядел на пацана с неприкрытым сомнением, потом нехотя сказал:

– Попробую деньги найти. Но пока ничего не обещаю.

– Да вернёшь, когда сможешь!

Но чего я не любил и не терпел, так это оказываться у кого-то в должниках. Поэтому вновь повторил:

– Попробую. Сейчас с дядькой поговорю и видно будет.

– Да! – встрепенулся Поляк. – Мы чего тебя звали! Его менты домой привезли.

– Это как?!

– Да ты не думай, выгрузили со всем почтением из «бобика». Он в дрова был, еле на ногах стоял. Могли и в трезвяк увезти, а эти по-человечески поступили.

У меня внутри так всё и перевернулось. Нет, привезли живым – уже хорошо и вдвойне замечательно, что из медвытрезвителя выкупать не придётся, но вчера был день получки, а после дядька домой уже не возвращался, сразу в ночь заступил!

Блин, он же за нас обоих деньги в кассе получить должен был!

– Давно это было?

– Около двенадцати.

– Твою мать! – выругался я и рванул к подъезду, обуреваемый самыми недобрыми предчувствиями.

Отпер дверь своим ключом и сразу споткнулся о валявшиеся на коврике туфли, но не ругнулся, лишь порадовался, что дядька оказался достаточно трезв, чтобы разуться. Скинул кроссовки, прошёл в комнату и уже там матернулся от души. Пиджак валялся на полу, а дядя Петя в брюках и рубашке храпел на диване. Перегаром шибануло так, что чуть на слезу не пробило.

Я распахнул форточку и ушёл на кухню, наполнил кружку водой, после снял с холодильника коробку из-под обуви, порылся в ней и нашёл сначала бумажную ячеистую упаковку с активированным углём, потом ампулу с нашатырным спиртом. Обернул стеклянный кончик полотенцем, отломил, накапал химической дряни в воду.

Разбудить дядьку оказалось делом не слишком-то и простым, пришлось долго тереть уши, но заворочался, очнулся. Кое-как я заставил его осушить кружку и оставил приходить в себя, поднял с пола пиджак. Извлечённый из внутреннего кармана бумажник оказался ожидаемо пуст. Ожидаемо неприятно, надо сказать.

Дядя Петя бестолково пялился на меня, приставать к нему с расспросами не имело никакого смысла. Ну я и не стал. Бросил упаковку активированного угля, ушёл к себе. Там достал из ящика ключи от гаража, вернулся в комнату.

– Серёжа, чего это...

Соображал дядька плохо, пришлось принести воды и скормить ему активированный уголь. Ладно хоть блевать не стал, съел пяток таблеток. Не факт, что толк будет, но лучше, чем ничего.

Мелькнула мысль загнать его в ванну под контрастный душ, но едва ли мне удалось бы повернуть этот трюк, поэтому плюнул и, не слушая невнятного бормотания, вышел в коридор.

Сука! Как же не вовремя получка за полторы ставки сторожа звездой накрылась! Старые запасы подчистую спустил, а стипендию ещё только обещают дать. Мебель у Гуревича, конечно, тоже собирал, но сколько там накапает? В отличие от Андрея, Ромы и Чижика особо не упыхивался. Засада!

Когда вышел из подъезда, Поляк снова играл в настольный теннис, я махнул ему рукой и в одно слово выдал:

– Щасвернус!

Покинув двор, завернул в гаражный кооператив, а там юркнул в закуток между дядькиным гаражом и соседним. Один из кирпичей в фундаменте вынимался; в этом тайнике и хранилась заработанная ещё в июне валюта. Ну как заработанная... Трофейная, если уж быть точным в определениях.

Заперев дверь на засов, я щёлкнул выключателем, выждал миг, а когда с тихим гудением загорелись лампы дневного света, поставил жестяную баночку из-под леденцов на стол и включил старый радиоприёмник, ламповый и громоздкий, в лакированном корпусе. Достал с полки паяльник, воткнул вилку в розетку, а только скovyрнул отвёрткой крышку с жестяной банки, и динамики под хрип помех выдали:

– Казино, казино, казино!²

Вот же! Песня в руку, с такими деньжищами прямая дорога в казино.

С невесёлой усмешкой, я расправил целлофановый пакет со своей заначкой на чёрный день и аккуратно его надрезал. Без сомнений и колебаний – денег было совершенно не жаль. Если разобраться, стоило подумать о покупке газового баллончика для Зинки уже давно.

И даже не в её сыкливом однокласснике дело, слишком уж много вырожденцев расплодилось в последнее время. Точнее даже не расплодились, просто всякие уроды безнаказанность ощутили. Но вот наркоманов определённо прибавилось, да и по синей волне люди себя куда хуже контролировать стали. Плохо разве, если у девчонки с собой перцовый баллончик будет? Да ничуть!

Я осторожно вытянул через разрез две банкноты по десять дойчмарок каждая и вновь задумался. Юра обещал скинуть цену, если возьму пару баллончиков. Как видно, нужны были деньги, а мне требовались хорошие с ним отношения. Из всего окружения Вали Демидова только с Поляком и сошёлся, даже с Рыжим не так часто общался. Опять же Зинка везде и всюду с Ксюшей таскается, наверное, и в самом деле имеет смысл сразу два взять.

² «Казино», Вячеслав Добрынин

Поколебался, но всё же вытянул ещё одну десятку, а к ней пятёрку – зеленоватую и с девушкой в каком-то странном головном уборе, потом сплавил разогревшимся паяльником разрез, наложив его края друг на друга и устроив поверх кусочек фольги; получилось на удивление неплохо.

Выключив радиоприёмник, паяльник и свет, я вышел из гаража и запер дверь, попутно огляделся. Кругом – никого. Тогда вернул жестяную банку в тайник и поспешил во двор. Поляк к этому времени уже в очередной раз вылетел из игры, он встретил меня у крайнего подъезда.

– Ну чё? – спросил, поднимаясь с лавочки.

– Два возьму.

Юра Поликарпов в знак одобрения выставил вверх большой палец и предупредил:

– Подожди, сейчас вынесу.

Он ушёл домой, я остался дожидаться его на улице, начал выхаживать туда-сюда. Так и потряхивало всего. Денёк выдался – закачаешься!

Ладно хоть ещё Поляк почти сразу вернулся и протянул два одинаковых баллончика. На обоих были изображены оскаленные собачьи морды, имелась и надпись «CONTRA-DOG».

Юра в ответ на мой вопросительный взгляд лишь кивнул.

– Нормально! С обычной слезогонкой дешевле, зато эти и против собак, и против людей работают. Там экстракт перца в том числе. Перцовые – самые крутые.

Я рассовал баллончики по карманам олимпийки, достал деньги. Поляк при виде дойчмарок даже присвистнул.

– Вот ни фиги себе ты Рокфеллер!

– Своей на подарок откладывал, – приврал я, желая избежать расспросов об источнике финансового благополучия. – Ну вот и будет подарок...

– Уж всяко лучше цветов! – фыркнул Поляк и озадаченно поскрёб бритый затылок. – Слушай, у меня сдачи нет. Верну на неделе, хорошо?

В сложившихся условиях сто пятьдесят рублей мне бы совсем не помешали, но я только хлопнул Юру по плечу.

– Забей! Ты и так скидку хорошую сделал.

Поляк ломаться не стал, протянул руку.

– Спасибо, Серый. Выручил.

– Да ерунда!

Я ответил на рукопожатие, тогда Юра вдруг спросил:

– Слышал, цыган выхлопнули?

Новость была недельной давности, и тратить время на обсуждение налёта на цыганскую семью, жившую в частном секторе, мне несколько не хотелось. Могла прийти Зинка, да и дядьку без присмотра оставлять в таком состоянии надолго не стоило. Наклюкался он изрядно, даже не помню, чтобы раньше до такой степени шары заливал...

– Слышал, ага. Всё, бежать пора.

Попрощался и поспешил к себе.

05|09|1992

Вечер

Когда вернулся в квартиру, дядя Петя сидел за кухонным столом и зажимал ладонями голову. Перед ним валялся бумажник, тут же рассыпались монеты в пять и десять рублей. До нашей полочки эта мелочёвка не дотягивала даже близко.

– Сергей, ты... это самое... – пробормотал дядя. – Денег не видел? Может, убрал куда?

Он успел немного проспать, да и нашатырь определённо подействовал, но речь оставалась не слишком внятной. Оно и немудрено – одномоментно опьянение не проходит.

– Если только ты их сам куда сунул, – ответил я, не без труда сдержав раздражение. – Хотя сомневаюсь. Тебя ж менты подвезли!

Дядя Петя помассировал лицо ладонью и сознался.

– Не помню.

Я прищёлкнул пальцами.

– Зарплата – пуф!

– Ты... это самое... – Дядька поднялся из-за стола, наполнил кружку водой и в несколько судорожных глотков её осушил, потом тяжело навалился на раковину. – Месяц на запасах протянем. Моя пенсия, твоя стипендия. Но там я деньги под отчёт взял...

Мне разом поплохело.

– Какой ещё, на фиг, «под отчёт»?

– На колючку, хозблок затянуть. С Никифоровым, не участковым, младшим братом его, на завтра уже договорился, а тут... – Рука дяди Пети подломилась, и он едва не упал, поэтому вернулся за стол. – На следующей неделе отчитаться надо будет.

Я выругался. Нет, имелась возможность снова распотрошить заначку на чёрный день, но так в ней скоро совсем ничего не останется!

– Ну вот как так? – в сердцах выдал я. – Обязательно пить было?

– Так день полочки вчера был, а я в ночь. С утра заскочил бумаги забрать, а там сторож в одного горькую глушит. Ну и приняли на грудь. Святое ж дело! – попытался оправдаться дядька, потом уставился на меня. – И ты... это самое... за собой следи! Сам давеча на рогах приполз!

Обмен взаимными обвинениями ни к чему хорошему привести не мог, так что я открыл шкафчик, отодвинул стоявшие с краю бутылки с портвейном и достал две поллитровки «Пшеничной». Немного подумал и вытащил ещё одну.

– Ты чего это, Сергей? – всполошился дядька.

– Колючка нужна? – спросил я. – Вот и обеспечу, куда деваться. Ворота и переход между корпусами закрывать хотите?

– И крышу... хозблока...

Дядя Петя попытался встать и уселся обратно на табурет, тогда я подхватил его под руку и помог дойти до комнаты.

– Спи давай! – посоветовал там, и дядька завалился на диван.

Я прикрыл за собой дверь, убрал водку в спортивную сумку, заодно переложил бутылки одеждой, в которой тренировался в качалке и боксёрской секции. Немного поколебался и сверху устроил туристический топорик, выточенный из одного куска металла. На всякий случай, мать бы его так!

Только попытался собраться с мыслями, и задребезжал входной звонок. Пришлось подпрыгивать и бежать открывать Зинке. Я сразу завёл её в свою комнату, а уже там положил ладони на талию, притянул к себе и поцеловал. Девчонка с готовностью ответила, но стоило лишь

переместить руки с талии на попу и легонько стиснуть упругие ягодички, отстранилась, взглянула на сумку и спросила:

– Куда-то собрался?

Пришлось сознаться.

– Ну, Серёжа! – расстроено протянула Зинка. – Я хотела музыку послушать!

Я развёл руками.

– Извини. Тут дядя проблем подкинул. До вечера надо успеть разгрести.

– А завтра сходим куда-нибудь?

– Не знаю. Меня на перевоз подрядили...

Зинка подбоченилась.

– Мы и так с тобой почти не видимся! – заявила она. – У тебя то качалка, то секция, на меня времени совсем не остаётся!

– Только одно воскресенье занят буду, – заявил я в своё оправдание и попытался обнять девочку, но та насупилась и отступила, не позволив этого сделать.

В серых глазах заблестели слёзы, Зинка часто-часто заморгала и машинально оправила футболку, но всё же взяла себя в руки и спросила:

– Бегать-то завтра идём?

– Обязательно, – пообещал я. – До двенадцати в полном твоём распоряжении.

– Заберу тогда «Декаданс»? С Ксюшей хоть послушаю. Ей «Агата Кристи» тоже нравится.

– Бери, конечно.

– И как тебе этот альбом? – поинтересовалась девочка.

– Неплохо, но «Коварство и любовь» больше впечатлил.

С совершенно несчастным видом Зинка кивнула, а потом уставилась на постер с рисованной девицей, которую обвивало чешуйчатое чудовище, словно первый раз его увидела, и вдруг раздражённо спросила:

– Твоя мечта пубертатного периода?

Я поцокал языком.

– Надо же какие слова умные знаешь!

– Нет, Сергей, тебе действительно нравится это вымя?

Воительница на плакате была мускулиста и грудаста, мне даже кривить душой не пришлось.

– А что тут может не нравиться?

Зинка раздражённо засопела, потом выпалила:

– У меня грудь лучше!

– Верю, – покладисто согласился я.

– Что значит – верю?! – Возмущению девочки не было предела. – Так оно и есть! Ты слепой, что ли?

Я с деланным смирением вздохнул.

– Зин, ну чего ты как маленькая? У меня не рентгеновское зрение, чтобы сквозь одежду видеть. Да ты не волнуйся так, сказал же – верю на слово.

Ожидал чего угодно, вплоть до швыряния магнитофонными кассетами или демонстративного ухода домой, но Зинка сумела удивить. Она вдруг одним резким движением задрала футболку до подбородка, выставив напоказ округлости грудей, белые-белые на контрасте с загорелой кожей и совсем не тронутые веснушками, а затем столь же быстро опустила руки обратно, словно и не было ничего. Разве что щеки тронул лёгкий румянец да напрягшиеся соски стали явственно оттопыривать ткань.

– Действительно – лучше, – признал я бесспорный факт.

– Так сними со стены эту порнографию! – потребовала девчонка и шагнула к двери, но я перехватил её, развернул к себе, обнял, поцеловал. Увы, утянуть Зинку на диван не вышло, она упёрлась в меня ладонями и заупрямилась.

– Всё, Серёжа, тебе пора. У тебя дела!

– Успею...

– Серёжа! Отпусти!

Мошонку скрутил какой-то совсем уж лютый спазм, и я заколебался, но объятия в итоге всё же разжал. Если начистоту – в тот момент с девственностью Зинка не распрощалась не иначе как чудом. Просто вдруг осознал, что помимо чисто плотского влечения испытываю к ней что-то ещё. Что-то похожее на любовь. Нежность – так уж точно.

Я проводил девчонку до входной двери и только тогда вспомнил о газовых баллончиках, вытащил их из карманов.

– Вот, держи!

Зинка захлопала длинными ресницами и с нескрываемым удивлением спросила:

– Это что такое? – А выслушав моё объяснение, фыркнула. – Да, брось! Ничего мне Фил не сделает, он дурачится просто!

Разубеждать девчонку не стал, всучил ей баллончики и попросил:

– Носи с собой, хорошо? Уродов всяких хватает. Как там в песне поётся: «Прогулка в парке без «Контра-дога»»...

Зинка хихикнула и отказываться от подарка не стала.

– Только аккуратней в небольших помещениях и против ветра не используй, – предупредил я напоследок. – А так – не показывай и не пугай, достала, применила, убежала. И ничего не бойся, состав не летальный, никаких последствий не будет.

– А второй зачем?

Я пожал плечами.

– Подружке своей кудрявой отдай. Вы же постоянно вдвоём ходите. Мне так спокойней будет.

– Спасибо! – поблагодарила Зинка и на прощание чмокнула меня в щёку. – Я тебя почти простила!

Хлопком чуть ниже спины я выпроводил девчонку за дверь, затем постоял немного, подумал-подумал и отправился снимать постер. Как ни крути, настоящие титьки лучше рисованных, с какой стороны ни посмотри. В конце концов, на них не только смотреть можно. А прямоугольник слишком тёмных обоев плакатом с киборгом-убийцей закрою. Где-то на антресолях постер «Терминатора» должен лежать...

Из дома снова наведался в дядькин гараж, там сунул в сумку здоровенные кусачки по металлу; их длинные ручки так и остались торчать наружу. Ну да – сборка мебели в мои планы на вечер отнюдь не входила, собирался повернуть кражу со взломом.

Впрочем, сегодня дела до мебели не было вообще никому. Гуревич-старший в преддверии поступления крупной партии сахара арендовал склад, а этот гараж собирался продавать из-за нехватки, как он выразился, оборотных средств, поэтому шли последние приготовления к переезду.

Снабжённая двумя внешними колонками «Электроника» с лёгкой хрипотцой наигрывала «квинов», услышал их ритмы ещё с улицы и немало этому обстоятельству порадовался. В подвыпившем состоянии Рома непременно воткнул бы «Сектор газа» или «Мальчишник», а сегодня он был нужен мне непременно трезвым. «Буханка» обнаружилась на привычном месте, и я успокоился окончательно. Прошёл внутрь, поставил сумку к стене, перездоровался с пацанами.

К переезду готовились полным составом, но я заранее предупредил, что буду работать в ночь и не приду, и теперь своим появлением Андрея Фролова изрядно удивил.

– О, Серый! – развёл он руками. – Тебя каким ветром занесло?

– Слушай, вы тут сильно загружены? – негромко поинтересовался я. – Украду Рому на пару часов? Край надо.

Дюша оглядел гараж и задумчиво потёр подбородок.

– Да мы, вроде, уже закончили со сборами. Забирай.

– Ещё «буханка» нужна будет. Бензин с меня.

– Не вопрос, – пожал плечами Андрей и указал на Тихона Морозова, в чьём ведении находилась бухгалтерия. – Только пусть Тиша учтёт в таблице.

Я подошёл к Толстому и отвлек его от газеты тычком в пухлый бок.

– А? Что? – встрепенулся Тихон. – Чего тебе, Енот?

– Чё с деньгами? – спросил я. – Пятое число уже.

– Так суббота же! – возмущённо зашлёпал губами Морозов. – На неделе выдам.

Меня такой ответ несколько не устроил. Если поначалу плату за собранную мебель выдавали чуть ли не день в день, то с августа перешли на аванс и расчёт, но оговоренные сроки выдерживались из рук вон плохо.

– На неделе? – хмуро переспросил я. – То есть не в понедельник?

– В понедельник могу не успеть.

Подошёл Рома, хмуро глянул на Морозова сверху вниз.

– Чего ты не успеешь? Можно подумать, бабло в банке держат!

– Ну не под матрасом же деньги хранить! – возмутился Тихон и постучал себя толстым пальцем по виску. – В банке ещё и проценты капают!

У меня зародилось подозрение, что именно по причине начисляемых процентов нас и кормят завтраками, но сейчас развивать эту тему не стал и предупредил Морозова:

– Андрей разрешил «буханку» взять, запиши на меня расход бензина.

Тиша воспользовался случаем закончить неприятный для себя разговор, взял блокнот и ручку, вышел из гаража. Рома озадаченно глянул на меня и спросил:

– Куда-то собрался?

– Есть дело на три бутылки «Пшеничной» и пару часов свободного времени, – усмехнулся я в ответ. – Ты как?

– Три по ноль пять на двоих? – озадачился Романов. – А что делать нужно?

– Три бутылки – это не на двоих, это тебе. И делать ничего особо не придётся, свозишь меня кое-куда и с погрузкой-разгрузкой поможешь. За два часа обернёмся.

– Да я не против, но...

– Дюша отпустил.

– А! – обрадовался Рома. – Тогда погнали! Задолбался уже на умах сидеть.

Водка неспроста считалась универсальной валютой, зачастую ей можно было расплатиться там, где не помогли бы ни рубли, ни даже доллары. Сашу Романова я знал как облупленного, поэтому и разорил дядькину заначку.

Вернулся Тихон, помахал блокнотом и отпустил нас.

– Всё, можете ехать, пацаны! – Потом взял газету и перешёл к Лёне Гуревичу и Косте Чижову, которые резались на приставке в «Контру». – Слушайте, тут пишут, люди на русском антиквариате большие деньги заколачивают...

– И? – недоумённо вскинулся Чиж. – Нам-то что с того?

– Так и мы можем! Проедемся по деревням, икон выкупим и всего прочего...

Тут уже и Лёня отвлекся от игры, покачал головой.

– Тиша, ну какие деревни? Мы, блин, не в Золотом кольце живём и не в сибирской глухомани!

Толстый насупился и пожал плечами.

– Ну можно ещё лотерейные билеты под видом новых банкнот впарить. Мол, реформа денежная началась, обмен идёт!

– Ты откуда это всё собираешь? – не выдержал я, хоть и прекрасно знал ответ.

– В газетах пишут, полно случаев...

– Во-первых, обманывать пенсионеров нехорошо, – счёл необходимым заметить я, пусть и не особо рассчитывал Тишу этим аргументом впечатлить. – Во-вторых, прикопают тебя где-нибудь в лесочке с такими замашками.

– Чего это? За что? – округлил глаза Морозов.

Рома не выдержал, заржал в голос.

– Нет, ну сам прикинь – ты в деревню приезжаешь в модных шмотках и на машине, да ещё пытаешься местных кинуть. Такого сам бог велел грохнуть и обобрать.

Я кивнул и вышел из гаража, Романов, позвякивая ключами от автомобиля, двинулся следом. На улице он достал из кармана пачку «Родопи» и закурил.

– Чего так жидко? – удивился я.

– Блин, Серый, ты будто с луны свалился! – возмутился Рома. – Сигареты подорожали пипец как! Нормальные теперь дешевле чем за столик не найти, а я не миллионер подпольный так шиковать.

Он выпустил в небо струю табачного дыма, уселся за руль и завёл двигатель, затем спросил:

– Куда едем?

Юлить и тянуть время я не стал, ответил прямо:

– На базу Мальцева.

Рома от удивления даже матернулся.

– На фига?

– Он со мной не рассчитался до конца, кое-что заберу в счёт долга.

– Серый, ты точно уверен?

– Да не очкуй, всё нормально будет.

Думаю, предложи я Роме пятьсот рублей или даже тысячу, он мог бы и не согласиться, но водка – это святое. Поломаться – поломался, но и только. Да и то больше для виду.

– Там хоть есть что брать? – спросил он, когда мы въехали на промзону. – Не всё вывезли ещё?

– Тебе-то какая разница? Вывезли, развернёмся и уедем.

Рома обиженно засопел и заткнулся. Вновь он забеспокоился, только когда я вытянул из сумки кусачки.

– Не примут нас тут?

– Да никого кругом! – отмахнулся я и огляделся, но ничего подозрительного не заметил.

Да и что подозрительного могло быть на зажатом высоченными бетонными заборами пятачке? Тут и в разгар рабочего дня не самое оживлённое место, а уж с наступлением ранних осенних сумерек округа и вовсе словно вымерла.

Я подступил к воротам, напрягся, и кусачки не без труда, но всё же справились со стягивавшей створки цепью; навесной замок с лязгом упал на землю. Поднял его и закинул в траву. Потом распахнул ворота и скомандовал приятелю:

– Рома, заезжай!

Тот медлить не стал и загнал «буханку» во двор, а я вновь сдвинул створки и осмотрелся. Гаражный бокс стоял открытым, поэтому сразу мелькнула мысль, что всё уже украдено до нас, но не проверить самому было бы просто глупо, и я указал Романову на здание цеха.

– Задом к нему сдай!

Идти внутрь не имелось никакого желания, а вот нежелания туда идти, напротив, было хоть отбавляй. Всё же едва ноги в прошлый раз унёс, чуть не грохнули. Да ещё Рома подлил масла в огонь, спросив:

– Это здесь Мальцева завалили, да?

– Угу, – промычал я в ответ и шагнул в цех.

В темноте кровавых пятен на бетонном полу разглядеть не получилось, да и пылью всё давно затянуло. Впрочем, воспоминания о прошлом волновали недолго, куда больше беспокоило, не спёр ли кто-нибудь колючую проволоку. Но нет – её мотки так и лежали у забора рядом с опрокинутыми малярными козлами.

Я вернулся к машине, распахнул задние дверцы и достал брезентовую спецовку, затем надел пошитые из столь же грубого материала рабочие рукавицы. Рома с тяжким вздохом последовал моему примеру, а потом мы принялись тягать мотки колючки и грузить их в «буханку». Не могу сказать, будто работа была такой уж утомительной, но в темноте ничего не стоило упасть или ободраться о железные острия, под конец даже запыхались немного.

– Валим отсюда! – поторопил меня Рома, закинув в машину рукавицы. – Если нас тут примут...

– Не каркай! – прошипел я и вскинулся, заслышав странный лязг, но тревога оказалась ложной: просто ветер стукнул одной дверцей ворот о другую.

И всё же я выглянул в проезд первым, осмотрелся и лишь после этого дал отмашку Романову.

– Погнали!

Тот подкатил к воротам и остановился, позволяя мне забраться в кабину, тогда я замахал рукой.

– Да проезжай ты! Проезжай! – Дал вывести автомобиль с территории, сдвинул створки и лишь после этого присоединился к приятелю, с облегчением развалился на сиденье. – Погнали!

Ну мы и погнали. Рома мигом пришёл в превосходное расположение духа и принялся сыпать шутками-прибаутками, потом спросил:

– И много за колючку выручишь?

– Хрен да маленько, – честно сознался я. – Хозблок знаешь, где я сторожем подрабатываю? Давай туда.

– Так ты не на продажу? – опешил Романов. – В натуре, что ли?

– Зато на дежурствах спать спокойно буду. Затянем ворота колючкой, никто не залезет, – отбрехался я. – Да и не моя водка, мы ж там с дядькой на пару сторожим – он проспонсировал.

– А-а-а! – понятиливо протянул Рома. – Вмажем?

– Не, в ночь сегодня. Сами пейте.

– Какой! Завтра переезд, Дюша ныть начнёт, чтоб не квасили.

– Ну тогда после.

Романов кивнул.

– Завтра, ага!

На том и распрощались. Выкидали мотки колючей проволоки прямо во двор хозблока, и Рома укатил прочь с тремя бутылками водки. А я запер за ним, ушёл в дежурку и достал из сумки томик Дика Френсиса. Спать пока не хотелось.

06|09|1992

утро

Что может быть лучше пробежки воскресным утром?

Много чего? Пожалуй, что и так, пусть даже это и пробежка в компании с любимой девушкой.

На самом деле я бы с превеликим удовольствием просто послушал с Зинкой музыку и поболтал о книгах, раз уж склонить её к более увлекательным занятиям пока никак не получалось, но, если на чистоту, то и бегать ходил вовсе не из-под палки. И за август втянулся, и пятикилометровая дистанция запредельной после армейских марш-бросков отнюдь не казалась. О Зинке и говорить не приходилось – она до восьмого класса занималась в секции лёгкой атлетики.

В общем, хорошее дело, дышалку надо развивать. И это не на скакалке прыгать, бежишь в своё удовольствие, мышцы не рвёшь, общаешься. Красота.

Днём воздух должен был прогреться до двадцати градусов, но с утра было свежо, да и от озера дул стылый ветерок, поэтому одной футболкой ограничиваться не стал, надел ещё и олимпийку.

Зинка же решила утеплиться и к ветровке и обтягивающим лосинам добавила эластичную повязку на уши и вязаные гетры. Я дождался её у подъезда и наклонился поцеловать, девчонка подставила щёчку и взяла меня под руку, так и двинулись к стадиону на «Восходе», благо идти до него было всего пару остановок. Шли быстрым шагом и успели разогреться, но и разминкой пренебрегать не стали. Нет, я бы забил, а вот Зинка отступления от правил не одобряла.

Так что сразу проходить на вытянутую чашу стадиона мы не стали и неподалёку от одного из входов приступили к выполнению совершенно необязательных на мой взгляд упражнений, а только закончили, и вдруг послышался оклик:

– Енот!

Оглянулся и обнаружил компанию, знакомую по боксёрской секции. Нет, я не зевнул и по сторонам поглядывать не забывал, просто они вышли как раз со стадиона. Все выглядели вспотевшими и раскрасневшимися, будто после тренировки, хоть время для той и было насквозь неурочным. Впереди шагал Валя Демидов, заметно превосходивший крепостью сложения и мускулатурой остальных, тоже ребят подтянутых и спортивных.

– Физкульт-привет! – отозвался я и подтолкнул Зинку в спину. – Беги, я через пару минут присоединюсь.

– Всё в порядке? – забеспокоилась девчонка, но сразу заметила жившего с нами в одном доме Юру Поликарпова и двинулась ко входу на стадион. – Только недолго, Сергей!

– Сейчас приду! – пообещал я, поздоровался с Демидом, обменялся рукопожатиями и с остальными.

Ещё обратил внимание на заинтересованные взгляды, которыми проводили Зинку, и взгляды эти мне категорически не понравились. Собственнический инстинкт? Да хоть бы и так. Нефиг пялиться...

– Вы чего здесь с утра? – спросил я Демида, желая перевести внимание на себя.

– Да по вечерам мужики в сауну ходят, нам утреннее время досталось. Ну и Петрович сказал, чтоб сначала потренировались, – пояснил Валя и прищёлкнул пальцами. – Енот, ты ж в сауне ещё не был? Давай с нами. Пиво взяли, сейчас тёлки подъедут. Платить не придётся, у них отработка...

Парни заржали, а я покачал головой.

– Не, Валя, сегодня никак. В другой раз.

Демид кивнул вслед Зинке.

– Тренер непустит? – подмигнул он. – Так бери с собой!

Не сказать, что на смех пацанов я внимания совсем уж не обратил, – вовсе нет, просто виду не подал. Сделал заметку на будущее, беспечно пожал плечами.

– Сегодня никак. С переездом людям обещал помочь.

Я попрощался с Демидом и поспешил вслед за уже скрывшейся на стадионе Зинкой. Поднялся по ступенькам, по проходу между рядами скамей спустился в чашу вытянутого амфитеатра к ожидавшей меня у края беговой дорожки девчонке. Перехватил вопросительный взгляд и пояснил:

– Пацаны с тренировки.

– Да я уже поняла, – с непонятным раздражением сказала Зинка и побежала, а стоило только присоединиться к ней, спросила: – И чего же ты с ними в сауну не пошёл? Там ведь пиво и тёлки!

Я чуть с шага не сбился, просто не ожидал, что девчонка расслышит сделанное мне предложение. Но виду не подал и начал перечислять:

– Сауну не люблю, предпочитаю баню. Пиво и сам купить могу. А тёлка у меня уже есть!

Хлопок пониже спины заставил Зинку взвизгнуть и ускориться.

– Дурак! – выдала она и фыркнула: – В другой раз, да?

– Этот другой раз – никогда не случится, даже не беспокойся. Не те люди, с которыми стоит слишком близко сходитья. Увидишь – на другую сторону дороги перейди. И я сейчас не шучу. Так и сделай.

– Там же Юра из первого подъезда был!

– Сам по себе Юра отличный парень, но в компании он ничего не решает. Как скажут, так и делает.

Зинка наморщила вздёрнутый нос и спросила:

– Но ты же с ними дружишь?

– Просто в одну секцию хожу.

– Они прям всех из секции в сауну зовут?

Вот тут девчонка угодила в яблочко. В сауну Валя Демидов зазывал далеко не каждого. Нет, к пацанам-боксёрам он приглядывался и некоторых из молодых даже привлекал к своим делам, но исключительно как шестёрки. Сходить, передать, забрать, присмотреть. В ближний круг подтягивал парней постарше, в основном знакомых по Десятке, уже отслуживших в армии. С июля бригада подросла человек до десяти-двенадцати, но я выдерживал дистанцию, а Демид особо не давил. Намекнул пару раз, что есть возможность неплохо зарабатывать, но и только.

– Ну? – поторопила с ответом Зинка.

– Не всех, – признал я. – Просто стараюсь с ним нормальные отношения поддерживать. Жизнь такая пошла, наперёд не знаешь, от кого какая помощь понадобится.

– И они прямо помогут, если попросишь?

– Всё от обстоятельств зависит. Голову себе этим не забивай. И помни, что я тебе сказал.

– Да помню! Помню! – легкомысленно отмахнулась девчонка.

Дыхание понемногу начало сбивать, дальше побежали молча. К концу второго круга втянулись и стало легче. Так примерно в одном темпе всю дистанцию и прошли, только под конец ускорились и выложились.

Потом, тяжело отдуваясь, потянули мышцы и отправились домой, только сначала сделали крюк по берегу озера до гастронома. Зинку попросили купить хлеб, который обычно разбирали уже часам к одиннадцати, и она взяла две свежайших горбулки и полбуханки ржаного для Бориса Ефимовича.

– А помнишь булочки за три копейки? – спросила девчонка уже после кассы. – Вку-усные! – протянула она. – Давно не видела.

Я только плечами пожал. Обычно после прогулки покупал какой-нибудь шоколадный батончик, но благодаря исключительному дядькиному везению в карманах гулял ветер, традицию пришлось нарушить. А только двинулись к пешеходному переходу, и Зинка встрепенулась, заслышав:

Что такое осень...³

Девчонка тут же свернула к киоску звукозаписи, но надолго там не задержалась, только перекинулась парой слов через крошечное окошко с продавцом и вернулась крайне разочарованной.

– Думала, новый альбом вышел, а это сборник, – поведала она мне.

– Ох, беда-беда, огорчение! – не удержался я от подначки.

Зинка нахмурилась.

– Тебе «ДДТ» не нравится?

– Не-а, не нравится, – сознался я.

– Но песня-то хорошая, согласишься!

Тут спорить не стал, кивнул.

– Эта – хорошая. А так – одна перестроечная остросоциальная фигня.

Зинку будто шилом в известное место ткнули.

– Серёжа! – возмутилась она. – Может, тебе вообще русский рок не нравится?

– Почему не нравится? «Агата Кристи» очень даже нравится. Ещё «Браво» и «Машина времени».

– Серёжа, ты серьёзно? «Браво» – это какие-то ретро-стиляги, а «Машина» вообще эстрада, а не рок!

Я приобнял девушку за талию и покладисто произнёс:

– Как скажешь.

Зинка раздражённо высвободилась и спросила:

– «Наутилус» – тоже перестроечная фигня?

Лицо её покраснелось от возмущения почище чем после бега, и я решил не перегибать палку и по поводу творчества свердловской рок-группы шуточек не отпускать.

– «Наутилус» – нет. Они умнее, тоньше...

– И серьёзней, я помню! – фыркнула Зинка, потом сменила гнев на милость и взяла меня под руку. – А «Кино»?

– Пафосно. И слишком всё серьёзно. Перемен!..

Я только начал с выражением напевать, как меня мигом заткнули.

– Ну конечно! Для тебя только поп-дуэт «Кар-мэн» не слишком серьёзный!

– И не пафосный, – не преминул добавить я.

Мы вышли к кафетерии, и Зинка замедлила шаг.

– Может, чего-нибудь вкусенького возьмём? – предложила она.

Сегодня вполне могла работать Алёна, заходить в кафетерий нисколько не хотелось, и уж тем более не стоило делать этого в компании Зинки. Да и в карманах гулял ветер, одно сплошное расстройство выйдет.

– Деньги забыл взять, – соврал я. – Ты лучше поднимайся чай пить. Я до двенадцати свободен.

³ «Что такое осень?», группа ДДТ

– Не могу, – отказалась девчонка. – Ксюша в гости приехать должна. И папа к дяде Пете собирался заглянуть. Они уже с мамой поругались по этому поводу с утра.

Я закатил глаза, но от язвительных комментариев воздержался. С превеликим трудом удержался, между прочим, поскольку вместо употребления беленькой в компании соседа дяде Пете полагалось натягивать в хозблоке уворованную вчера мной колючую проволоку.

Мы двинулись дальше, и Зинка продолжила допытываться о музыкальных пристрастиях.

– «Аквариум»? – упомянула она смутно-знакомое название.

У этой группы слышал, пожалуй, только одну песню, о ней и высказался:

– «Поезд в огне» – конъюнктурная поделка, больше ничего у них не знаю.

– А как же «Город золотой»?

– Не, ну «Город» ничего.

– «Ария»?

Я озадаченно хмыкнул и напряг память.

– «Ария», «Ария»...

– Я тебе давала альбом послушать! «Герой асфальта»! Помнишь?

– А! – прищёлкнул я пальцами, и в самом деле припомнив упомянутую девчонкой кассету. Но о безмерном пафосе упоминать не стал, вместо этого обнял девчонку за талию и сказал: – У них классная песня о Жанне!

– Точно! – обрадовалась Зинка. – Моя любимая!

Ну я и напел:

– Стюардесса по имени Жанна!..

– Дурак! – обиделась девушка и пребольно ткнула меня кулачком под рёбра. – Вот зачем ты так, а?

– Да шучу, шучу! Мне про улицу роз тоже понравилась. Серьёзно!

Не знаю, как удержался, но всё же напевать о «бульваре роз» не стал, а дальше мы вошли во двор, и я привычно пробежался взглядом по пустой спортивной площадке, песочнице с детьми, пацанам у теннисного столика, бабушкам на сдвинутых скамейках и мужичкам, игравшим в домино. Не укрылись от моего внимания и редкие автомобили, припаркованные у подъездов: старенький «запорожец», «москвич» последней модели, белые и красные «жигули».

Вот именно красные «жигули» и царапнули взгляд своей чуждостью. Не водилось у нас во дворе такой машины и уж тем более нечего ей было делать у моего подъезда.

По спине побежали мурашки, заныло в самом низу живота в ожидании неприятностей или как минимум неприятного разговора, съёжилась мошонка.

Красные «жигули» – это нехорошо. Совсем нехорошо. Пусть номера с такого расстояния не разглядеть и даже модель не определить, но сто к одному, что это по мою душу пожаловали.

И точно – ещё не успели дойти до подъезда, как передняя дверца автомобиля со стороны водителя распахнулась и наружу выбрался мужчина лет тридцати, худощавый и подтянутый, с русыми коротко стриженными волосами. Пиджак, галстук, туфли. Лицо жёсткое, глаза острые, сразу видно – мент. Мент и есть.

Старший оперуполномоченный капитан Козлов закурил и выразительно глянул на меня, я кивнул, не без труда переборов желание согнуть правую руку и устроить в её сгибе ладонь левой, дабы изобразить известный всем и каждому жест.

На подъезде я придержал Зинку, развернул её к себе и спросил:

– Точно не зайдёшь? Музыку бы послушали...

– Послушали бы, если б у тебя срочные дела не появились! Всё, побегу «Маски-шоу» смотреть!

Я только вздохнул.

– Ладно, не ругайся. Я теперь тебя у школы встречать буду.

– Из-за Фила, что ли? Брось!

– Хоть больше видеться будем.

– Ну если так...

Мы поцеловались, и надо ж такому случиться, именно в этот момент дверь подъезда распахнулась и к нам вышла Нина – Зинкина младшая сестра.

– Вот вы даёте! – округлила она глаза. – Всё маме расскажу!

Зина и не подумала отстраниться от меня, лишь свысока глянула на сестрицу и снисходительно бросила:

– Ну и дура! Чем раньше я к Серёже переду, тем быстрее одна в комнате останешься.

Уж не знаю, каким чудом сумел удержаться от улыбки, а вот Нина приняла это заявление за чистую монету.

– А Яша? – задумчиво уточнила она.

– А ты его к себепустишь?

– Ладно! – выдала тогда Нина. – Живи!

И потопала прочь, а Зинка присмотрелась ко мне и спросила:

– И чего ты улыбаешься, Серёжа? Не хочешь, чтобы я к тебе переезжала?

– Я просто реакцию тётки Софьи представил.

Девчонка фыркнула и заявила в ответ:

– С мамой я как-нибудь сама разберусь!

Вступать в бессмысленные пререкания я не стал, ещё раз поцеловал Зинку и подтолкнул её к двери лёгким хлопком чуть ниже спины.

– Иди. Мне тут кое с кем поговорить надо.

Девчонка скрылась в подъезде, и я тут же согнал с лица улыбку, развернулся и двинулся к «жигулям». Козлов уже докурил, кинул окурочок на асфальт, растёр его подошвой и распахнул дверцу.

– Не, – решительно мотнул я головой. – Никуда не поеду. Другие планы на день.

– Никуда и не поедем, – уверил меня старший оперуполномоченный, который выглядел осунувшимся и помятым, словно сегодня не ложился спать вовсе. – Садись, просто поговорим.

Мне общаться с Козловым хотелось ничуть не больше, чем куда-то с ним ехать, но деваться было некуда. Опер точно не об аномально тёплой погоде поболтать заглянул; если какие-то проблемы по нашим старым делам корячатся, надо об этом заранее узнать. Уж лучше готовым быть, чем потом те самые проблемы – как снег на голову.

Но я ошибся, и на прямой вопрос о неприятностях Козлов покачал головой.

– Расслабься! – усмехнулся он и помассировал виски.

Я взялся за ручку дверцы.

– Пойду тогда?

– Сиди! – потребовал капитан и достал пачку «Космоса», но передумал и вытягивать из неё очередную сигарету не стал. – О нападениях на цыган слышал?

Отрицать это не имело никакого смысла, и я кивнул.

– Старая же тема? – уточнил только у собеседника. – Сколько времени уже прошло!

Решительные люди в масках и с автоматами заявили в дом местных цыган в самом конце августа; в результате нападения глава семейства и его старший сын отправились в реанимацию: первого крепко побили, второго порезали, когда допытывались о тайниках. Что именно стало добычей налётчиков, никто доподлинно не знал – слухи на этот счёт ходили один невероятней другого. Да оно и немудрено: о причастности пострадавших к перепродаже краденых автомобилей и сбыту наркотиков в посёлке поговаривали уже давно. Всё верно, под раздачу попали подельники Сивого.

– А-а-а! – понимающе протянул капитан Козлов. – Не слышал ещё, значит.

– Чего не слышал?

– Вчера новый налёт был, – пояснил опер. – Не так гладко всё прошло, у хозяев два холодных, и трое раненых, один скорее всего не выживет.

Я присвистнул, но сразу справился с удивлением и спросил:

– И что с того? Я тут при чём?

– Банда беспредельщиков у вас завелась, гражданин Полоскаев, такие дела. Помимо этих двух случаев ещё несколько разбоев было и одно изнасилование. Во всех случаях засветились жёлтые «жигули» четвёртой модели. Знаешь что-нибудь об этом?

– Нет.

– Поспрашивай, – не предложил, а скорее потребовал Козлов. – Этых выродков надо найти.

– Давайте без меня как-нибудь. Ничего об этом не знаю.

– Слушай, Полоскаев, я сейчас готов ухватиться за любую ниточку. Ты с бригадой Демидова отношения поддерживаешь, вот и наведи справки. Я в долгу не останусь.

– Это точно не они.

– Земля слухами полнится. Кто-нибудь что-нибудь точно знает. Просто поспрашивай.

Как видно, опер и в самом деле хватался за соломинку, вот только мне этой самой соломинкой становиться нисколько не хотелось. И вдвойне не хотелось влезать в такие мутные дела. Поэтому распахнул дверцу, выбрался из салона и решительно заявил:

– Я ничего не знаю! – но сразу нагнулся и уточнил: – Жёлтые «жигули» четвёртой модели, говоришь?

Козлов кивнул. В голове ворохнулось полузабытое воспоминание и, немного поколебавшись, я всё же решил дать оперативнику наводку.

– В июле киоск на остановке сожгли. Остановка, которая по Гагарина к повороту ближняя с этой стороны. Бензином в окошко плеснули и запалили. Говорят, рэкетеры на такой машине были.

– Насчёт налётов спрашиваешь? – уточнил Козлов.

– Нет! – отрезал я и с лязгом захлопнул дверцу. Двинулся к подъезду и мысленно пробормотал: «ищи дурака за четыре сольдо!»

Думал, опер окликнет и даже ускорил шаг, но – нет, заработал автомобильный двигатель, и красная «пятёрка» покатила к выезду со двора. Я оглянулся и проводил её пристальным взглядом. На сердце было беспокойно. Пусть Козлов и не стал страшать и припоминать подписку о сотрудничестве, но едва ли от хорошего отношения ко мне. Просто не посчитал нужным, точнее – не слишком перспективным. Весь этот разговор – лишь один из многих, выстрел на удачу. Уверен, я был отнюдь не первым информатором, к которому опер обратился за содействием. Вот, подозревай он в причастности к нападению братву Демида, точно бы из меня всю кровь выпил, так просто бы не отстал.

Я плюнул в сердцах и отправился домой.

06|09|1992

день

Когда отпер дверь и прошёл в квартиру, дядька сидел на кухне, курил и читал вчерашнюю газету. Ладно хоть не пил с утра пораньше.

Проводной радиоприёмник негромко напевал, и песня понравилась куда больше творчества столь обожаемых Зинкой рок-музыкантов.

Пока разувался, прислушивался к словам, но только начался припев:

Э-э-эх, молодая!..⁴

И дядька щёлкнул кнопкой, музыка смолкла.

– Колючку завтра натянем, – сказал он, предвосхищая мои расспросы. – Я в ночь, мужики с утра придут и всё сделаем.

– Ну и отлично, – буркнул я в ответ, прошёл на кухню и напился воды, потом поинтересовался: – Что пишут?

Вновь отгородившийся было от меня газетой дядя Петя бросил на стол листы желтоватой бумаги, огладил рыжеватые усы и вздохнул.

– Да ничего хорошего, Сергей. Катастрофу Ту-134 в Иванове на ошибку пилота списывают, а ещё авиадиспетчеры бастуют. У них зарплата по десять – пятнадцать тысяч, и бастуют! Представляешь?

Я ничего по этому поводу говорить не стал, только предупредил:

– Ты с колючкой не тяни, дядь, а то сопрут ещё, – и вышел с кухни.

– Сказал же – завтра! – крикнул вдогонку дядя Петя и матерно выругался. – И хватит мне уже мозги полоскать!

– И в мыслях не было! – отозвался я, стягивая олимпийку.

– Всё до копейки отдам! С аванса отдам, только кишки не мотай!

Перегибать палку я не стал, ушёл в ванную и принял контрастный душ, растёрся полотенцем, оделся и вернулся на кухню.

– Завтра по мебели за август рассчитаться должны, – сказал, наливая себе чая, – может, и не придётся на подножном корму до аванса куковать.

– На макаронах и гречке в любом случае протянем, – пожал плечами дядя Петя, закурил новую папиросу и указал ей на размеренно дребезжащий холодильник. – И минтай в морозилке ещё оставался.

Я попил чай с сухарями и ушёл к себе, полистал конспекты, счёл на этом подготовку к семинарам выполненной и начал собираться. Пусть переезд на новый склад и назначили на двенадцать, лучше было прийти пораньше, дабы лишний раз не испытывать терпение Андрюхи. А то он и так последние дни на взводе.

В гараже я застал разброд и шатание. Рома невесть с чего затеял профилактику вовсе не требовавшего обслуживания движка «буханки», Тиша и Лёня играли на «Денди» с предельно убавленным звуком чёрно-белого телевизора, а Кости Чижова и вовсе нигде не было видно. Гуревич-старший это ничегонеделанье не пресекал, вместо этого стоял посреди заваленного приготовленными к переезду вещами гаража и с задумчивым видом перекидывал из руки в руку бутылку рома. Узел галстука у него оказался ослаблен, а верхняя пуговица сорочки рас-

⁴ «Молодая», Ефрем Амирамов

стёгнута, и хоть в помещении вовсе не было жарко, лицо нашего работодателя усеивали мелкие бисеринки пота.

Я подошёл к Андрею Фролову и легонько ткнул его кулаком в поясницу, а когда тот обернулся и протянул руку, ответил на рукопожатие и спросил:

– «Буханка», что ли, сломалась? Чего сидите?

– Да ничего не сломалось! – досадливо поморщился Дюша. – На новом складе трубу с горячей водой прорвало. Переезд отменяется.

– О! – только и протянул я. – И когда теперь? Я просто могу на картошку уехать...

– Не парься, – отмахнулся Фролов. – Сказал же: не будет переезда.

– В смысле? Ну прорвало трубу – и что? Починят же!

Гуревич перестал перекидывать бутылку и посмотрел на меня с плохо скрываемым раздражением.

– Если трубу прорвало один раз, какая гарантия, что этого не случится снова? – задал он риторический вопрос. – Вода и сахар, Серёжа, хорошо сочетаются только в чае. А так весь бизнес прямиком в канализацию утечёт!

– Новый склад будете искать? – поинтересовался я тогда.

Ответом стало неопределённое пожатие плечами.

– У меня и этот только по знакомству арендовать получилось!

– Неужели так сложно подходящее помещение найти? – не удалось сдержать мне удивления.

– Для трёхсот пятидесяти тонн сахара? Сложно, Серёжа. Архисложно.

Озвученный вес заставила мысленно присвистнуть, а Гуревич поставил бутылку на стол, заложил руки за спину и принялся, выхаживая туда-сюда, освещать все подводные камни.

– Объём товара у нас, сам понимаешь, немаленький. Площади требуются серьёзные. Ещё высокой влажности быть не должно, например. Но даже не это самое важное, подходящих складских помещений хватает. Только если всё делать официально, три шкуры сдерут, а у кого расценки умеренные – так непременно какие-то мутные схемы и никаких гарантий сохранности товара. Приедешь, а сахара след простыл и претензий предъявить некому. Кто-то ещё и рэкетиров наведёт. Меня так просто не обдерёшь, но это всё нервы, время и деньги. А сроки поджимают, первую партию сахара уже в конце месяца доставят.

– И отложить доставку никак не получится? – поинтересовался я.

– Серёжа, я сделки через биржу ещё в июле провёл! О чём ты говоришь?! Это же импортный сахар, его из-за границы везут! – Гуревич ухватил со стола бутылку и приложил её ко лбу, потом вздохнул. – Ладно! Две недели в запасе есть, что-нибудь придумаю...

Тут-то мне и вспомнился недавний разговор о субаренде и пустующих помещениях хозблока. Я быстро распрощался со всеми, решив без промедления обсудить пришедшую в голову идею с дядей Петей, а если получится, то ещё и с Борисом Ефимовичем, и двинулся на выход.

– Серый! – окликнул меня Андрей Фролов. – погоди! Ты куда вчесал?

Я обернулся и подождал приятеля.

– Да идея одна появилась. Скоро буду.

– Ну ты давай – не пропадай. Сейчас Гуревич свалит, пойдём пиво пить. А то он мне все кишки уже вымотал.

– Он реально триста пятьдесят тонн сахара взял? – уточнил я на всякий случай.

– Ага, – кивнул Дюша. – С партнёром по три миллиона своих денег вложили, и тот ещё сверху десятку занял под сто двадцать процентов годовых. На шестнадцать миллионов закупились, прикинь?

– Охренеть! – вполне искренне выдал я в ответ. – Это шестнадцать «девяносто девярых» получается!

– Типа того. Они вообще всё выскребли, чтобы эту тему замутить, нам мебель толком закупать не на что. Понимаешь теперь, почему он как на иголках? Но, Серый, это только между нами. Больше никому.

– Базара нет! – Я хлопнул приятеля по плечу. – Всё, Дюша, побегу.

– Но ты вернёшься ещё?

– Да! Я быстро. Щасвернус, короче.

Но совсем уж быстро обернуться не получилось. На углу дома наткнулся на Зинку с её кудрявой одноклассницей и мимо пробегать не стал, остановился.

– Привет, красавицы! Далеко собрались?

– Я же говорила: по магазинам пройдемся, – пояснила Зинка и прищурилась. – Или ты освободился уже?

– Нет, домой заскочу и метнусь обратно.

– Жаль...

Зинка помрачнела, сунула в рот чупа-чупс и принялась перекачивать его языком во рту с какой-то непонятной сосредоточенностью. Подружка от неё не отставала, только она круглый леденец на палочке лизала.

– Зубы испортите, – счёл нужным отметить я, хоть моего мнения никто и не спрашивал.

– А это всё тётя Софья! – заявила вдруг Ксюша. – Она Зине с тобой встречаться запрещает. Говорит, ей с девственностью расставаться рано, а в твоём возрасте без секса уже никак не обойтись. Мол, мальчики ещё потерпеть могут, но с возрастом из-за долгого воздержания проблемы и со здоровьем, и с головой начинаются.

– Ксюша! – аж взвизгнула моя соседка. – Ну ты чего?! Вообще больше тебе ничего рассказывать не буду!

Я давно не питал иллюзий относительно мнения тётки Софьи на собственный счёт, и заинтриговало вовсе не оно, а кое-что другое.

– Чупа-чупс тут при чём, кудрявая?

– Тренируется она. Чтоб и тебя приласкать, и девочкой остаться, – с предельно серьёзным видом пояснила Ксения, прошлась кончиком языка по леденцу, а затем через неплотно сомкнутые губы протолкнула его в рот и заложила за щеку.

Зинка вмиг покраснела до корней волос.

– Дура! – выдала она и перевела раздражённый взгляд уже на меня. – А ты чего уши развесил, а? Лапшу стряхни!

И, прежде чем я успел хоть как-то оправдаться, девчонка зашагала прочь. Кудрявая егоза выразительно подмигнула на прощание и поспешила следом, на ходу облизывая круглый леденец. Я подумал-подумал и Зинку догонять не стал, решив поговорить вечером, когда немного утихнут эмоции. Да и просто не до того сейчас было. Надо ковать железо, пока горячо. Обидно будет, если такая схема сорвётся...

И в кои-то веки мне улыбнулась удача. Мало того, что дома застал и дядю Петю, и Бориса Ефимовича, так они сегодня ещё и отступили от своей неизменной традиции и водке предпочли пиво, а потому наклюкаться не успели и даже не разругались ещё в пух и прах на почве политических разногласий. Правда, всё к тому и шло.

– Перестройка! Ускорение! Гласность! – распалаялся дядя Петя. – Ну и посмотри, до чего балабол меченый страну довёл! Забастовки! Гиперинфляция! Бандитизм!

– Чуть собачья! Это агония плановой экономики! – парировал Борис Ефимович. – Не надо всё на Горбачёва валить. И даже Гайдар не во всём виноват. Сам посуди – бывшие республики всякие денежные купоны вводят, карбованцы, манаты да зайчики, так куда им советские рубли девать? Правильно, мешками к нам везут! Тут хочешь, не хочешь – галопирующая инфляция начнётся!

Дядька воинственно встопорщил усы.

– Нашёл проблему! Павловскую реформу помнишь? Полтинники да сотни на новые лихо обменяли – три дня и всё. А тут всем плевать!

– Прекращение оборота советских денег разорвёт экономические связи! – веско произнёс сосед.

– Тут рвём, тут не рвём – так по-твоему? – фыркнул дядя Петя. – Всё, Боренька, поезд ушёл. Доктор сказал: «в морг», значит, в морг! И это прямая вина Горбачёва, будь он неладен! Он ведь не только страну развалил, он всех предал! Мы всех предали!

– Ну кого мы предали, Петя? Ну что ты собираешь?

– Русских в бывших республиках – предали? Предали! Их убивают, грабят, выгоняют, в лучшем случае делают гражданами второго сорта, как в Прибалтике! Вон, у Сергея, спроси – он тебе всё про дружбу народов в Таджикистане расскажет!

– Здравствуй! – поприветствовал я соседа, проходя на кухню. – Лучше не надо, не самая приятная тема для разговора. За столом так уж точно её лучше не затрагивать.

Борис Ефимович засопел, но этот бастион обороны сдал без боя, решив зацепиться за следующий.

– Ещё кого мы предали?

– А всех союзников по социалистическому блоку! – сходу выдал дядя Петя. – Там ведь не все вперёд трусов в капитализм бежали! Вон, Хонеккера судят! И где? В стране, объединение которой состоялось исключительно по нашей доброй воле! Горбачёв, гнида такая, даже о генсеке социалистической партии не похлопотал! Что уж тогда о сотрудниках Штази говорить? А польской Службы безопасности? А о других, которые не за страх, а за совесть?

– С винтиками репрессивной системы собственные сограждане пусть разбираются! – отрезал Борис Ефимович.

– А командира рижского ОМОНа судят – он тоже винтик репрессивной системы? Или человек, который до конца верным долгу оставался и приказы выполнял? И весь мир смотрит сейчас на нас и понимает, что с русскими никаких дел иметь нельзя. Ибо – Иваны, родства не помнящие, только ветер переменится, сразу забудут и предадут!

– Да что ты заладил: предадут, предадут! – не выдержал наш сосед. – Это коммунисты всех предали! И русских в первую очередь! СССР времён застоя и даже раньше – он насквозь неправильный и нежизнеспособный! Ты пойми уже наконец, хорошо, что он сейчас развалился, дальше было бы только хуже! И дело не в том, что плановая экономика рыночной в оперативности уступает, хотя это первое, что на ум приходит. И даже не прогнившая административно-командная система во всём виновата. Дело в извращённом до невозможности интернационализме! Вот почему я из своего кармана дружбу народов спонсировать должен. Скажи, а?

– Наши стратегические интересы...

– Нет! – рявкнул Борис Ефимович и так долбанул кулаком о стол, что подскочили стаканы. Он достал из кармана носовой платок, вытер им вспотевшее лицо и глубокою залысину, после уже продолжил куда спокойней прежнего. – Ты мне, Петя, о внешнеполитических интересах не заливай, прекрасно знаю, зачем Кубу поддерживали и социалистические режимы по всему миру деньгами и оружием снабжали. Не дурней тебя, и сам политинформацию вёл. А непонятно мне, как жителю РСФСР, другое: почему народные деньги тратились на финансирование великой грузинской культуры или индустриализацию Прибалтики? Коммунисты нас попросту грабили! Всё для республик! Дотации из союзного бюджета – держите, землицы прирезать – даже не просите, сами предложим, заводы и фабрики построить – всегда пожалуйста!

– Тебе жалко, что ли? – поморщился дядя Петя.

– Представь себе – жалко! Почему высокотехнологичные заводы в республиках, а у нас сплошная металлургия, которая экологию на корню гробит? Почему у них конструкторские

бюро мирового уровня, а у нас пэтэушников за станки поставили и нормально? КраЗ, МАЗ, БелАЗ, РАФ, Антонов, Ташкентское авиационное объединение, куча заводов по производству электроники, тот же «ВЭФ»! А Крым? А исконно-русские области северного Казахстана? Этот банкет за наш с тобой счёт шёл! Мой, твой и, вон, его! – указал сосед на меня. – Наше с тобой будущее коммунисты разбазаривали! Чуть всё до остатка не выскребли! И всем плевать было! Знаешь, почему? А система изначально ущербной была, вот почему! Имелась всесоюзная компартия и компартии республик, а РСФСР – фигу! Вот на нас все и ездили, партийные бонзы на себя одеяло тянули! В республиках нас презирали! Жили лучше нашего за наш счёт и нас же презирали!

– Ну ты прям русский националист, Борис Нахимович! – буркнул дядька. – Странно, с твоими-то историческими роинами...

– А ты мои исторические роины не трожь! У меня до сих пор серпасто-молоткастый в кармане! И мы о прошлом говорим, том прошлом, в котором я всю жизнь тут прожил!

– Можно подумать, твой рынок что-то изменит! Брось! Только хуже станет! Раньше мы силой были, раньше с нами весь мир считался! А теперь начнут откусывать по кусочку. Да и откусывать не нужно будет – сами раздарим, лишь бы только по головке погладили и ещё немножечко гуманитарной помощи прислали. Раньше мы всем деньги давали, а теперь кредиты выклянчиваем! И про экономику лучше не заикайся даже! Эта твоя приватизация – грандиозный обман. Все между собой поделят, а что не поделят – распилят и на металлолом распродадут, народ ни с чем оставят, – заявил в ответ дядя Петя, досадливо махнул рукой и воспользовался случаем взять тайм-аут: откупорил очередную бутылку, разлил по опустевшим стаканам пиво.

Мне, что интересно, не предложил. Ну да и понятно: это ж не из ближайшего ларька, которое и с утра бывает разбавленным, а под конец рабочего дня и вовсе моча мочой. Не могу сказать, будто обиделся, но некоторое злорадство, чего уж греха таить, испытывал, когда соорил скорбное выражение лица и сказал:

– Борис Ефимович! У меня к вам серьёзный разговор!

Перестарался. Сосед подавился и закашлялся, залил пивом стол, а потом уставился на меня и прорычал:

– Если Зинка залетела...

– Откуда такие мысли? Иудеи же в беспорочное зачатие не верят? – сделал я честные глаза. – Дядя Боря, я вашу доченьку и пальцем не тронул!

– Только тем пальцем ещё и не тронул разве что! И то не факт. Акселерация, чтоб её! – выдал Борис Ефимович, вытер стол кухонным полотенцем, вылил в стакан остатки пива из бутылки и поднял взгляд. – Ну? – шумно выдохнул он после этого. – Какой у тебя вопрос-то?

Дядя Петя рассмеялся и похвалил меня за находчивость:

– Молодец, Серёжа! Выкладывай, пока Боря не отошёл от мысли, что вскорости дедушкой сделается!

Я взял тряпку, протёр стол и спросил:

– Помните, речь заходила, что вашему директору хозблок под охрану передать предлагали? А мы на себя это оформить сможем?

– В аренду-то? – неверно понял мой вопрос Борис Ефимович. – Нет, говорил же: директор на такое не пойдёт. А у нас ещё приватизация на носу...

– Да нет! – отмахнулся я. – Договор на охрану официальный заключить можно? Ну на частную фирму?

– Теоретически – можем. Только смысла в этом никакого нет.

– А если в этом договоре прописать возможность сдавать помещения в аренду?

– А-а-а! – понятиливо протянул сосед и рассмеялся. – Нет, Серёжа, ничего не выйдет. Наш юрисконсульт не пальцем деланный, он такое никогда не пропустит.

Дядька ополовинил стакан с пивом и спросил:

– А что за идея-то была?

– Да, – досадливо отмахнулся я. – Чего теперь-то? Знаю просто, кому можно в субаренду хозблок передать.

– Прямо весь? – прищурился Борис Ефимович. – И за живые деньги?

– Весь – не весь, но триста пятьдесят тонн сахара места немало займут.

– И надолго?

Я пожал плечами.

– Пока не распродадут. Но, так думаю, если всё выгорит, в том же духе продолжат.

Борис Ефимович отодвинул от себя стакан и о чём-то крепко задумался. Потом начал беззвучно шевелить губами и загибать пальцы, круглое его лицо приняло на редкость сосредоточенное выражение.

– По две тонны... Склад – двести сорок... Допустим, по двести пятьдесят за квадрат... Шестьдесят тысяч плюс платежи от института минус затраты на охрану...

Папенька Зинки сцепил пальцы и щёлкнул костяшками, затем приложился к стакану и в один подход его осушил.

– Человек надёжный? – спросил он после этого.

Я кивнул. Тогда Борис Ефимович поднялся с табурета и потёр подбородок.

– Субаренда тут не годится, – произнёс он некоторое время спустя. – Тут тоньше действовать надо. Можно попробовать всё как ответственное хранение провести.

Дядька всплеснул руками, вытянул из пачки папиросу, закурил и отошёл к приоткрытому по случаю тёплой погоды окну, выдул вонючий дым на улицу.

– Для меня это всё тёмный лес! – объявил он. – Ты толком объясни, не бросайся мудрёными словами!

– Если бы у нас была своя фирма или если мы её организуем, я преподнесу всё так, что директор передаст хозблок нам под охрану, – объявил Борис Ефимович. – А в этом договоре никто не обратит внимания на пункт о нашем праве принимать на хранение имущество от института и... третьих лиц. Ну сами посудите: а ну как что-то на территорию закинуть понадобится? Во-о-от...

– Шито белыми нитками, – заявил дядя Петя.

– А хоть бы и так! – фыркнул сосед. – Если потом всё вскроется – не страшно. Мы будем в своём праве, никто нас сахар не обяжет на улицу выкинуть до истечения срока договора на охрану. Если только через суд, но это дело небыстрое. А мы договор сразу на год заключим, чтобы на неустойки не влететь. Один чётрт, пока приватизация не пройдёт, никому до хозблока дела не будет. Раньше лета всё точно не устаканится.

– Ответственное хранение, поди, ответственным неспроста называется, – поморщился дядька. – Вывезут сахар – и что тогда?

– А ты сделай так, чтоб не вывезли! – потребовал Борис Ефимович. – Это твой фронт работ. Моё дело – организационно-правовые вопросы утрясти!

– Легко сказать – обеспечить! – фыркнул дядя Петя и вдавил окурок в пепельницу каслинского литья. – Если сутки через двое дежурить, то Сергей отпадает, ему учиться надо, придётся ещё двух человек привлекать.

– Найдёшь?

– Найду, – решил дядька после недолгой заминки. – Только чего ради? Овчинка вообще стоит выделки?

Сосед пожал плечами.

– Я так прикинул, весь сахар в основной склад войдёт. Там двести сорок квадратов, если исходить из двухсот пятидесяти рублей за квадратный метр, то в месяц будем получать шесть-

десять тысяч. И ещё тысяч десять за охрану от института выбью. Семьдесят тысяч на пустом месте, как тебе такое, Петя?

Дядька крякнул и откупорил новую бутылку пива.

– Эти деньги ещё делить придётся, – ворчливо заметил он.

– Вы погодите делить! – вклинился я в разговор. – Сахар в конце месяца придёт, к этому времени официальный договор подписать нужно будет. И какие-то документы на склад показать, иначе с нами просто работать не станут!

Борис Ефимович уселся за стол, придвинул к себе вновь наполненный стакан.

– Липовый договор на охрану с правом ответственного хранения я прямо завтра сделаю, – усмехнулся он неожиданно жёстко. – Подпишусь за директора, печать втихаря шлёпну. И параллельно начнём предприятие регистрировать, потом всё по правилам переформируем. Но это лирика! Нет смысла суетиться, пока ничего толком не решено. Сначала надо условия с твоим человеком обговорить.

– Сначала нужно обговорить, как деньги делить будем! – отрезал дядя Петя.

– Да чего шкуру неубитого медведя делить? – фыркнул сосед.

Но дядька погрозил ему пальцем.

– Я тебя, Боря, как облупленного знаю! Или договариваемся на берегу, или дальше без меня!

Папенька Зинки пожал плечами, почесал грудь под майкой и сказал:

– Поскольку я беру весь риск на себя, то шестьдесят процентов...

– Сам в охранной конторе директором будешь? – в лоб спросил дядя Петя.

Борис Ефимович поморщился.

– Не хотелось бы светиться...

– Кто бы сомневался! – рассмеялся дядька. – Выходит, зиц-председателем мне быть придётся. И ответственность вся тоже на мне будет!

– Вы как хотите, – быстро вставил я, – но моя доля – треть. Тридцать пять процентов для ровного счёта. Арендатора я нашёл.

– Пятьдесят на пятьдесят, – предложил Борис Ефимович. – Пятьдесят вам, пятьдесят мне.

Дядя Петя как-то очень уж озадаченно поскрёб затылок и с сомнением посмотрел на меня, а потом будто ва-банк пошёл.

– Мои двадцать процентов! – объявил он и припечатал ладонь к столу.

– Тогда с охранниками сам рассчитываешься, и мою Софью главным бухгалтером оформим с окладом в пять тысяч для начала. Вся отчётность на ней будет.

– Это сколько тогда мне останется? – озадачился дядька. – Сергей, у тебя калькулятор был, неси!

Но Борису Ефимовичу калькулятор не понадобился, все расчёты он провёл в уме.

– Если исходить из шестидесяти тысяч арендных платежей, то двенадцать тысяч твоя доля, и десять тысяч за охрану от института я точно выбью. Минус пять тысяч Софьи, получается – семнадцать тысяч тебе и двум сторожам.

– Негусто, – поморщился дядя Петя.

– Негусто?! – возмутился сосед. – Во-первых, за пять тысяч в месяц на сутки через двое очередь выстроится! Во-вторых, твой племянник, и пальцем о палец не ударив, двадцать одну тысячу заколачивать станет! Уж поделится с тобой, надеюсь, нетрудовыми доходами!

Озвученная сумма меня безусловно порадовала, и я кивнул.

– Поделюсь. Только давайте сначала с арендатором условия обговорим. Ему деваться некуда, но мало ли. Шестьдесят тысяч в месяц – деньги немаленькие.

– И когда ты с ним поговорить сможешь?

– Да лучше прямо сейчас. Сразу бы и хозблок показали.

– Так идите и договаривайтесь! – напутствовал нас Борис Ефимович. – Только обо мне ни слова.

– Ну вот, чуть что – сразу в кусты, – усмехнулся в прокуренные усы дядя Петя, который соседа в качестве собутыльника ценил и уважал, но как делового партнёра заранее подозревал во всех смертных грехах.

– Ой, да перестань ты! Если до директора слухи дойдут, вылечу с работы как пробка из бутылки, и кому от этого легче будет? Всё, как вернётся, звякните мне, я поднимусь.

На том наше учредительное собрание и закончилось.

06|09|1992

Вечер

Гуревича-старшего мы едва не упустили. Он уже открывал дверцу автомобиля, когда я окликнул его:

– Роман Маркович!

Тот повернулся и воззрился на нас с нескрываемым удивлением.

– Да, Сергей?

– Мой дядя, Пётр Трофимович, насчёт склада поговорить хотел.

Дядька протянул руку, и Гуревич после некоторой заминки её всё же пожал.

– Что за склад? – спросил он с лёгким оттенком недоверия.

– Двести сорок квадратов, круглосуточная охрана, ответственное хранение, – заучено выдал дядя Петя.

Роман Маркович нахмурился.

– Сам по себе склад? Это где такой?

– Почему сам по себе? – хмыкнул в усы дядя Петя. – Институтский корпус на консервации и хозяйственный блок. – Он начал загибать пальцы. – Внутренний двор, гаражный бокс, склад, караульное помещение с удобствами, мастерские.

Гуревич задумчиво посмотрел сначала на меня, затем на дядьку и уточнил:

– Это официально всё?

– Конечно! – развёл руками дядя Петя. – Все документы покажем, если к соглашению придём. И договор ответственного хранения заключим, без этого никак.

Уверен, при обычных обстоятельствах прожжённый делец не стал бы и разговаривать на эту тему с бывшим одноклассником сына и его непонятым дядей, но сейчас наше предложение не заинтересовать его попросту не могло. Ну в самом деле – не искать же склад под триста пятьдесят тонн сахара через газетные объявления? Так-то можно, конечно, да только раньше такие дела исключительно по знакомству обдeldывались, не сказать – по блату. Вот и сработал, как пишут в детektивах, «модус операнди» или «образ действий».

– Смотреть надо, – озвучил своё решение Гуревич.

– Да какой вопрос? – пожал плечами дядя Петя. – Есть время?

Роман Маркович указал на «семёрку» и уселся за руль, мы погрузились в автомобиль следом. Дядька начал показывать дорогу, а я с немалым трудом успокоил дыхание. Всего так и потряхивало от неуместного азарта.

Неужели выгорит?! Блин, ну хоть бы получилось договориться!

Открывать ворота для легковушки не стали, прошли в вытянутый двор, ограниченный четырёхэтажным корпусом, хозблоком и капитальным переходом между ними, через калитку.

– Это всё ваше? – уточнил Гуревич, оглядываясь.

– Тут нашего ничего нет, – откестился дядя Петя. – Мы тут охраной ведаем и по поручению владельца услуги ответственного хранения оказываем.

– И договор с собственником заключён?

– Обязательно! Но он у главбуха, показать только завтра смогу.

Гуревич кивнул и заинтересовался мотками колючей проволоки. Дядя Петя перехватил его взгляд и подсказал:

– Завтра периметр затынем.

Приврал, конечно, умыкнули колючки мы не так уж и много, но на ворота хватит и ещё останется – факт.

Роман Маркович кивнул, и дядя Петя указал на угловой гаражный бокс.

– Есть возможность машины ставить и даже ремонт с обслуживанием организовать. Окно – это караулка. И дебаркадер есть, грузить удобно. Ворота широкие...

– А мастерские? – спросил вдруг Гуревич. – Где мастерские?

– Идёмте!

Дядька поднялся на дебаркадер и отпер дверь, повёл нас коротким проходом.

– За ней, – хлопнул он ладонью по правой стене, – основной склад.

Мы вошли в длинный, тянувшийся поперёк всего здания коридор, и я без подсказки щёлкнул выключателем; тогда с явственным запозданием принялись мигать и разгораться люминесцентные лампы под потолком.

– Это выход в гараж! – указал дядя Петя теперь уже налево, потом нацелил палец на соседнюю дверь. – Тут туалет с душевой. Ещё один санузел в караулке. Спуск в подвал в том конце, но нам он без надобности.

– А на той стороне мастерские? – поинтересовался Роман Маркович назначением четырёх широких дверей, располагавшихся на равном удалении друг от друга. – Можно посмотреть?

– Сейчас ключи возьму! – сказал дядька и скрылся в караулке, вдоль узкого прохода в которую располагались клетушки туалета и душевой.

Вообще планировкой отведённое нами под дежурку помещение напоминало школьную раздевалку при спортзале, единственным исключением было окно в противоположном от коридора конце. Ну и сейф никто в раздевалку бы не поставил.

Дядя Петя отпер несгораемый железный ящик, засыпной и неподъёмный, по-хитрому надавил на дверцу и резким рывком её распахнул – что-то там внутри заедало, никак иначе открыть несгораемый шкаф не получалось, сколько ни дёргай.

– Опять дубинку с собой таскаешь! – неодобрительно проворчал дядька, обнаружив рядом с коробкой, где хранились ключи, только один телескопический «демократизатор».

– Сверху глянь, – посоветовал я и хлопнул по крышке сейфа.

Дядька приподнялся на цыпочки и лишь после этого углядел лежавший у стены деревянный цилиндр примерно в половину локтя длиной; со стороны тот в глаза нисколько не бросался.

– Ну и на кой ты её там держишь? – спросил он.

– Толку от дубинки в сейфе? Пока его отопрёшь...

– Пришёл на смену – достал.

– А мне и доставать не надо.

Дядька отмахнулся, вышел в коридор и отпер ближайшую мастерскую. Распахнул дверь и обвёл рукой пустое помещение.

– Каждая по сто квадратных метров примерно. И в крайних отдельные подсобки обустроены.

– Вот это, наверное, даже интересней будет, – задумчиво пробормотал Гуревич. – Вы их сдаёте?

– Мы ничего не сдаём, – напомнил я. – Услуги ответственного хранения оказываем.

– Но я смогу их использовать?

Дядя Петя явственно озадачился и кинул на меня быстрый взгляд, не дождался подсказки и взял инициативу на себя, со всей уверенностью подтвердив:

– Сможете!

Гуревич дошёл до соседнего помещения, пришлось отпирать и его.

– Есть какие-то ограничения по весу?

– До двух тонн на квадратный метр, – сообщил я, припомнив бормотание Бориса Ефимовича.

– Двух мастерских должно хватить, но ещё требуется помещение для фасовки...

– Для фасовки? – насторожился дядя Петя. – Объект режимный, нечего тут посторонним шастать. Мы же не в аренду площади сдаём, а на хранение товар принимаем!

– Либо так, либо никак! – отрезал Гуревич. – Мне отдельное помещение для фасовки сахара искать неинтересно!

– А она нужна вообще? – усомнился я.

– Нужна, Серёжа! Нужна! – уверил меня Роман Маркович. – Ты давно в магазине был, почём там сейчас килограмм сахара?

Я задумался, и на помощь пришёл дядя Петя.

– По девяносто последний раз брал, – сообщил он нашему потенциальному клиенту.

– Вот! – многозначительно произнёс Гуревич, прошёл в мастерскую, под потолком в противоположной стене которой протянулся ряд зарешёченных окошек, и голос его загулял по пустому помещению. – Расфасованный по килограмму сахар я по восемьдесят-восемьдесят пять сдам, а на развес или тем более мешками на рынке уже дешевле продавать придётся. А оптовые перекупщики и того меньше дадут. А это всё недополученная прибыль!

Дядька тягостно вздохнул.

– Слишком сложно для меня! То ли дело раньше было! Всё просто и понятно: советский сахар стоит рубль!

Романа Марковича это высказывание явственно покорило, и я решил продемонстрировать собственную осведомлённость.

– Да чего тут сложного? Купить на товарной бирже подешевле, продать подороже. Главное денег на предоплату найти...

Гуревича мои слова откровенно рассмешили.

– Эх, Серёжа-Серёжа, если б всё так просто было! Я в июле сахар по сорок пять тысяч за тонну на Пермской товарной бирже заказывал. А было предложение на девять тысяч дешевле. Екатеринбургский «Корунд» предлагал. И контракт у них с воинской частью на закупку имелся, не подкопаешься. Но вот смутило меня это предложение, не стал рисковать. И знаешь что? Их в мошенничестве заподозрили и сделку заморозили. А ты прикинь, какие это потери с нашей-то инфляцией? То-то же!

Дядя Петя досадливо крякнул и махнул рукой.

– Ладно, фасуйте здесь. Но абы кого запускать не станем, только проверенных людей. И чтоб без чехарды! А товар отдельно хранить придётся, иначе мы за сохранность отвечать не будем. Помещения с сахаром печатаем, вынос мешков – под роспись доверенным лицом. У нас материальная ответственность, иначе никак!

Гуревич оглядел напоследок мастерскую и вышел в коридор.

– Тогда и мебель здесь собирать станем, – решил он и уточнил: – Какие условия?

– Пятьсот рублей за квадратный метр в месяц, – на голубом глазу выдал дядька.

– Сколько?! Да это грабёж средь бела дня! Больше ста рублей даже не просите!

Но нашла коса на камень, ответил дядя Петя ничуть не менее экспрессивно:

– Да у нас полная ответственность! Кто ещё такие условия предложит?!

– Какая там ответственность? Что с вас взять можно?

– Я в тюрьму из-за этого паршивого сахара садиться не собираюсь! – выдал дядька, упрямо выдвинув вперёд челюсть. – Я офицер военно-морского флота и награждён...

Гуревич его и слушать не стал.

– Сто пятьдесят рублей за квадрат. И это моё последнее слово!

– Ерунда! – отмахнулся дядя Петя. – Мы вам во всём на встречу пошли, но цену ни на копейку не скинем! Хотите фасовать – фасуйте! Хотите мебельный цех устроить – милости просим. Машины оставлять будете во дворе – тоже не проблема. Но тут круглосуточная охрана дежурит! А вода? А отопление? Все удобства для вас, не голый ангар!

Но Роман Маркович и не подумал идти на уступки.

– Без меня у вас вообще никакого дохода не будет! – резонно заявил он. – Я тут половину площадей загрузу! Делайте на это скидку!

Мы с дядькой переглянулись, и я неуверенно произнёс:

– Ну если сразу двести квадратов займёте, тогда до четырёхсот рублей скинуть, наверное, получится. Ты как думаешь?

Дядя Петя неуверенно пожал плечами.

– Наверное...

– Триста квадратных метров! Триста! Две мастерских под сахар и одна под фасовку и сборку мебели. И не выкручивайте мне руки, больше двухсот рублей не дам!

– Если сразу три, то ещё пятьдесят сбросим, – выдвинул встречное предложение дядя Петя.

– Двести пятьдесят. И плачу не за все помещения сразу, а за фактически использованные. Но за собой оставляю все три мастерских.

– Триста и по рукам. В конце концов, мы под вас без предварительной оплаты помещения зарезервируем!

Роман Маркович явственно поколебался, потом махнул рукой.

– Хорошо! Но сначала ваши документы посмотрю. Если всё в порядке, заключим предварительный договор. А основной – когда товар придёт. И пока я вам ничего не должен!

– Документы соберу завтра к концу рабочего дня.

– Тогда и ответ дам, – объявил Гуревич, обменялся с дядькой телефонными номерами и спросил: – Вас подвести?

– Если несложно.

– Мне по пути.

Всю обратную дорогу я думал, думал и думал о почти заключённой нами сделке. Только бы, только бы, только бы никто не предложил Гуревичу более выгодный вариант! Только бы он не передумал, а Борис Ефимович сумел оформить все необходимые документы!

Девяносто тысяч в месяц, из которых треть моих, – просто уйма денег. Это ведь не разовый платёж, это – каждый месяц! Три-четыре месяца сахар точно распродаваться будет, а если всё выгорит, то Гуревич и новую партию закупит. Не может не закупить, с такой-то доходностью! У него ведь без малого стопроцентная накрутка получается! И по сравнению с отчислениями на заёмные деньги, плата за ответственное хранение сушей ерундой смотрится. Реально проще нам немного переплатить и всё в одном месте делать, чем где-то на стороне фасовку организовывать.

Под конец я прикинул в уме, что всю партию сахара Гуревич планирует распродать примерно за тридцать миллионов рублей, и на этом свои подсчёты закончил. Зависть – плохое чувство, тем более что белой завистью тут и не пахло.

Дядька вернулся домой заметно пришибленным. Он разлил по стаканам бутылку пива и задумчиво постучал пальцами по столу.

– С этим твоим Романом Марковичем я сваял дурака, – заявил он вдруг и приложился к стакану.

– Чего это? – озадачился я.

– Торговался как дурак, вот чего... Нет! Ставку мы заломили поначалу несусветную, всё так, но под конец мне на директора сослаться нужно было. Сказать, что ниже только он цену сбавить может. А так либо меня не додавили до заранее оговоренного минимума, либо я сам по цене решение принимать могу. Чуешь, чем это пахнет?

– Завтра всё сначала начнётся.

– Вот! Но деваться некуда, задним умом все крепки, – вздохнул дядя Петя. – А ещё меня соседка наш многомудрый беспокоит.

Я в несколько глотков выпил пиво, взглянул на незнакомую этикетку и спросил:

– С ним-то что?

– Я ж его знаю, ну не мог этот хохол такой малой долей удовлетвориться. А мы ведь ему даже толком руки выворачивать не начали! Помяни моё слово, он ещё условия переиграет.

– Не раньше, чем приватизация пройдёт.

– Приватизация! – с презрением выдал дядя Петя, вышел в коридор и позвонил Борису Ефимовичу.

Тот явился моментально, будто уже стоял на низком старте.

– Ну что? – спросил он с порога.

– Завтра договор нужен будет, – предупредил дядя Петя и ввёл соседа в курс дела.

Папенька Зинки уселся за стол, кинул перед собой газету и крепко задумался.

– По нынешнему курсу в месяц будет выходить почти четыреста пятьдесят долларов, – сказал он некоторое время спустя.

– Это если всё срастётся ещё, – хмыкнул дядька, откупоривая новую бутылку.

– К этому и веду, – поморщился Борис Ефимович. – Если начнёт цену сбивать, назначь четыреста долларов в месяц, но при оплате вперёд за весь квартал. И нам так лучше, и ему экономия выйдет. И ставки объявляй исключительно в валюте! Это важно! Но в договоре пропишем только десять тысяч в месяц – как раз вам на зарплату хватит, а остальное пусть в конверте занесёт, через кассу проводить не будем.

– Через кассу! – фыркнул дядя Петя. – У нас и фирмы никакой нет! Авантюра чистой воды!

– Всё будет! – уверил его сосед и раскрыл газету. – Вот смотри, будто специально для нас статья: «Как начать своё дело». Будто заранее чувствовал, отложил номер, не стал выкидывать.

Я перегнулся через плечо Бориса Ефимовича и обнаружил, что тот притащил выпуск «Аргументов и Фактов» от второго сентября, по листу которого и водил сейчас указательным пальцем.

– Так, нам подходит товарищество с ограниченной ответственностью. Нужно будет заявление, устав и эскиз печати. Ага, ещё уставный договор. Да не кривись ты так, Петя, тут пишут, можно готовый комплект документов купить и фамилии уже в него вписать! Это я на себя беру. Так... доли мы определили, а юридическим адресом домашний сделаешь, тут ничего сложного.

Дядька разлил по стаканам очередную бутылку пива и спросил:

– Дальше чего? Куда с этим всем идти-то?

– Потом в исполком. И ещё надо будет через Сбербанк две тысячи госпошлины заплатить...

– Сколько?!

– Не обеднеем! – отрезал Борис Ефимович.

– Да нет у меня столько!

– Я дам, потом сочтёмся. Тут в другом дело: заявление в течение месяца рассмотреть обязаны, можем опоздать. Придётся кое-кого подмазать, но ничего – остались знакомые по партийной линии. Помогут.

Дядька пожал плечами.

– Не так всё и сложно.

– Ха! – усмехнулся сосед и перекинул ему газету. – Поначалу временное свидетельство выдадут, придётся ещё расчётный счёт в банке открыть, встать на учёт в статуправлении и налоговой и только потом с постоянным свидетельством можно будет идти в райотдел за разрешением на изготовление печати. Эскиз с меня, подряжу кого-нибудь в институте нарисовать.

– Ерунду какую-то придумали!

– Да уж лучше, чем раньше! – немедленно перескочил на любимую тему Борис Ефимович. – Свободный рынок всё расставит по местам! Партократы и аппаратчики больше не смогут давить инициативу, а приватизация покончит с засильем бюрократов от экономики!

– Чушь несёшь! – зло выдал в ответ дядя Петя. – Всё разворуют и распродадут! И новые, и старые – ничем друг друга не краше, одним миром мазаны! Да ты на нас посмотри! Мы чем сейчас занимаемся? Частный бизнес развивать помогаем? Хрена лысого! Мы кусок пирога от народной собственности пытаемся урвать! Да, так куда проще на плаву удержаться, но не надо этих сказочек о либерализации экономики и благе шоковой терапии. Я её последствия ежедневно в магазинах наблюдаю!

– А лучше как раньше, да? Всё по талонам и на полках шаром покати? Ты пойми уже наконец – эта твоя ностальгия не от того, что прежде жил так уж богато, просто сейчас трудные времена настали. Переходные!

– Прямиком в ад переходим!

– Из тоталитарного ада выбираемся!

Я допил пиво и, хоть в запасе у спорщиков ещё оставалось несколько бутылок, задерживаться на кухне не стал. Вышел в коридор, снял с закреплённого на стене телефонного аппарата трубку, покрутил диск, набирая номер Марченко.

– Здравствуйте, тётя Софья! Это Сергей, – представился, после того как гудки смолкли и в динамике послышался голос соседки. – А можно Зину?

– Сейчас позову.

Я уселся на табурет и прислонился спиной к стене, а когда отозвалась Зинка, спросил:

– Ты чего убежала-то? Из-за чупа-чупса, что ли?

– Нет, конечно! – возмущённо фыркнула девчонка. – Вот ещё!

– А чего тогда?

– Давай не по телефону, Серёжа.

– Давай, – покладисто согласился я. – Заходи, музыку послушаем.

– Не могу, уроков много на завтра. И мама по хозяйству запрягла.

– Ну выйди тогда в подъезд. Я сейчас спущусь. На пару минут всего.

Зинка засопела в трубку, потом протянула:

– Ну ладно! Спускайся!

Я обулся и предупредил спорщиков:

– Всё, ушёл! – после чего захлопнул дверь и сбежал по лестнице на седьмой этаж.

В «кармане» перед дверным глазком маячить не стал, остановился у лифта, а там и Зинка в домашнем халатике вышла – ради конспирации с мусорным ведром. Пришлось вместо неё подниматься к мусоропроводу, потом только обнял девчонку за талию и притянул к себе.

– Ну ты чего?

Зинка упёрлась руками в грудь и поцеловать себя не позволила.

– Ничего, Сергей. Всё хорошо.

– Неужели Ксюша твою тайну выболтала? – пошутил я.

– Дурак и не лечишься! – насупилась Зинка, потом вздохнула и прижалась ко мне щекой. – Просто дома достали все уже, я с Ксюхой поделилась, а у неё язык без костей, мигом всё тебе растрепала.

– Ой, можно подумать, она мне глаза раскрыла!

– Мне уже все мозги выполоскали из-за тебя! – пожаловалась девчонка. – Тётя Римма нудит, что я непременно залечу и ты меня бросишь. А мама верит в твою порядочность. Говорит, промучаюсь с тобой пару лет, но так даже хуже. Ты мне ещё и второго ребёночка заделать успеешь. И только потом бросишь. – Зинка запрокинула голову, с прищуром глянула на меня и спросила: – Бросишь?

Я уставился в её серые глазищи и ухмыльнулся.

– Да разбежался прям!

Но только опустил ладони с талии на бёдра, Зинка высвободилась и подняла стоявшее у ног мусорное ведро.

– Всё, Серёжа, мне действительно пора.

Она скрылась в квартире, а я к себе возвращаться не стал, отправился в гаражи, да только пацанов там не застал. Глянул на запертые ворота и двинулся к Андрею Фролову. И снова – никого.

Ну и куда они умотать могли? Пиво где-нибудь пьют?

Обходить окрестные ларьки не хотелось, и я совсем уже было решил вернуться домой, но тут во двор завернули Тихон Морозов и Лёня Гуревич. Первый тащил объёмную сумку, второй трёхлитровую банку в авоське и не пустую – с пивом.

Парни сразу поднялись на крыльцо крайнего подъезда, пришлось их окликнуть. Тиша устроил сумку у ног и шумно задышал, а когда я подошёл, вытер носовым платком лоб и сказал:

– А мы тебе только что из автомата звонили!

В сумке обнаружили ещё две трёхлитровки, и я с нескрываемым удивлением спросил:

– Вас из гаража выгнали, что ли?

– Да не! – отмахнулся Гуревич. – Жека Зинчук из армии вернулся. К себе позвал. Все там уже, мы за пивом ходили.

Он велел Тише хватать сумку, но я взял её сам и подтолкнул бывшего одноклассника к двери.

– Двигай давай.

На первом этаже пришлось долго жать оплавленную кнопку вызова лифта, пока наконец не сработал контакт, а потом мы погрузились в тёмную кабину с отметинами копоти на потолке, надписями «METAL» да ещё всякой нецензурщиной на стенах и какими-то совсем уж нездоровыми рывками начали подниматься наверх. А только вышли на лестничную клетку и сразу услышали:

Белые розы, белые розы!⁵

Зинчук за время службы в армии своих музыкальных пристрастий определённо не поменял, ещё и врубил «Ласковый май» на всю катушку, пришлось даже выгадывать промежуток между песнями, а то бы неизвестно, сколько на лестничной клетке прокуковали.

Дверь распахнулась, и рыжеволосый паренёк, невысокий и жилистый, раскинул руки.

– Енот!

– Здорово, Евгений!

Раньше мы общались большей частью из-за дружбы с Андреем Фроловым, но тут обнялись. Святое ж дело, понимать надо.

– Проходите в комнату! – указал нам Зинчук, который уже был крепко поддат. – Мы там сидим!

– А твои где?

– Мама в ночь, брательнику ещё год на химии торчать. Живее заваливайте!

Планировка двухкомнатной квартиры была как и у меня, не заблудился. В комнате обнаружили Андрей Фролов и Костя Чижов, там я первым делом убавил громкость магнитофона и спросил:

– А Рома где?

– В Металлургический поехал, – сообщил Андрей, принял у меня сумку и выставил на стол одну из трёхлитровок с пивом.

⁵ «Белые розы», группа «Ласковый май»

– На фи́га? – удивился я, усаживаясь на диван.

– Галка его нашла себе кого-то, туда переехала. Рома её выцепить решил. Санта-Барбара, короче!

– Как бы его не грохнули там.

– Как бы он никого не грохнул.

– И это тоже.

Вслед за мной прошли Гуревич и Морозов, за ними прибежал с чайными кружками Зинчук.

– Костян! Не спи, замёрзнешь! – толкнул он Чижа. – Давай, разливай!

Разлили, выпили. Пиво оказалось разбавленным, да было бы удивительно случись иначе: воскресенье, вторая половина дня – тут без вариантов. Но в хорошей компании и такое пошло на ура пойдёт, а компания подобралась что надо. Подняли традиционный тост за тех, кто в сапогах, потом в ход пошли армейские байки.

Ну а к концу второй банки, Андрей закинул удочку, спросив:

– Евгений, ты чем вообще заниматься думаешь?

– Бухать! – сознался Зинчук, вытащил из пачки «Примы» сигарету без фильтра и отошёл к открытому окну, закурил. – Упаду в синюю яму, ага.

– Да это понятно! – отмахнулся Фролов. – Но бухать тоже на что-то надо. Пойдёшь к нам мебель собирать? По деньгам нормально выходит, на жизнь хватает.

– Можно.

Тихон Морозов тяжело вздохнул и спросил:

– А ни у кого на закрытые города выходов нет? Если раздобыть красную ртуть, озолотимся....

Гуревич подавился пивом и закашлялся, всерьёз – до слюней и соплей. Костя Чижов только рукой махнул и отошёл к окну, принялся дымить на улицу в компании хозяина квартиры.

– Такой большой, а в сказки веришь, – покачал головой Андрей Фролов. – Ты лучше центр чёрной и белой магии открой. Чё ржёшь? Сам в газете объявление видел. А ещё там контактёры с космосом астральной энергией от всего исцелить предлагали. Серьёзно!

– Не, Дюша. Надо что-то более реальное. Кабинет тибетской медицины можно открыть или мумиём торговать. О! – Я даже прищёлкнул пальцами. – Акупунктурное программирование! Тупо фигачишь человека иглками и деньги лопатой гребёшь. Тиша, давай! Ещё и сам себя на похудание запрограммируешь!

Все заржали, Лёня Гуревич начал разливать по кружкам последнюю банку, и я заметил у него на пальце массивную золотую печатку, квадратную и с прозрачным камушком в одном из углов.

– Да ну тебя, Серый! – надулся Тиша Морозов. – Я серьёзно! Не всю же жизнь мебель собирать! У нас сейчас такие возможности, которые ещё пару лет назад и не снились! Надо только их не упустить! С первого числа начнут ваучеры выдавать, можно скинуться и куда-нибудь их вложить! Вроде, какие-то чековые фонды организовывать собираются...

Я только усмехнулся.

– Тиш, хочешь реально быстро срубить денег?

Толстый глянул на меня с нескрываемым сомнением, но всё же подтвердил:

– Хочу!

Тогда я ухватил Лёню Гуревича за руку и развернул его кисть, демонстрируя всем тяжёлую печатку.

– Всех дел на полчаса. Просто до скупщиков дойти и у тебя куча денег!

– Дурак, что ли?! – чуть ли не взвизгнул Лёня. – Это папин! Я втихаря поносить взял. Если он пропажу заметит, мне конец!

– Да шучу я.

– За такие шутки в зубах промежутки!

Ссориться с Гуревичами сейчас было попросту глупо, но и смолчать я не смог.

– Сейчас у самого промежутки в зубах появятся! – рыкнул, наставив на бывшего одноклассника указательный палец. – Понял?

Андрей Фролов мигом поднялся с дивана, ухватил меня под руку и придержал.

– Пацаны, допивайте пиво, а мы ещё сгоняем. Заодно проветримся.

Возражать мне и в голову не пришло, пошёл обуваться. Дюша собрал деньги, вышел в прихожую с сумкой и авоськой, а когда за нами закрыли дверь, с укоризной спросил:

– Серый, ну ты чего, блин?

– Проехали, – отмахнулся я.

Мы спустились на первый этаж и двинулись к ближайшему пивному киоску в сквере на берегу озера.

– Вы куда с Гуревичем катались? – спросил вдруг Фролов.

Как видно, вытащил он меня из квартиры, намереваясь расспросить, и я заператься не стал, но и подробности придержал при себе.

– Склад ему предложили арендовать. Ну тот, который охраняем.

– Он ваш, что ли?

– Не, не для себя.

– И как? – с интересом спросил Дюша. – Договорились? А то мы с этим переездом конкретно так влетели. Если Гуревич с сахаром прогорит, у него и мебельный бизнес звездой накроется. Точно за долги заберут.

– Пока непонятно. Я его просто с людьми свёл. Но место ему понравилось, завтра решать будут.

– Ну и отлично! – обрадовался Фролов и вдруг присвистнул. – Янка! Привет!

Я посмотрел на девушку, катившую детскую коляску, и в первый момент нашу бывшую одноклассницу даже не узнал. Она и раньше была высокой и стройной, а тут сильно похудела – такое впечатление, остались только глаза и титьки. Синие глазищи на осунувшемся лице смотрелись неестественно большими, а слишком крупная для откровенно хрупкого сложения грудь так и выпирала из-под кофточки.

– Ой, мальчики! – обрадовалась нам Янка Скокова. – Давно не виделись!

– Это кто у тебя такой красивый? – спросил Андрей, заглядывая в коляску. – Мальчик, девочка?

– Девочка. Марина.

– Вся в мать. Такая же красавица.

Янка рассмеялась.

– Да брось! – Потом с сомнением посмотрела на нас и спросила: – Сигаретой не угостите?

– Не, – покачал я головой. – Мы ж спортсмены. Не курим.

– Я как родила, бросила. Но иногда прямо до дрожи в коленях затануться хочется.

– И как жизнь молодая? – поинтересовался Фролов.

Янка Скокова пожала плечами.

– Да разве это жизнь? Если б не мама, давно с голоду умерла. Да и так только на хлеб и молоко хватает. Но это ерунда, выйду на работу, будет проще.

– Захаров не помогает, что ли?

– Не смей меня, Полоскаев! Я его уже год не видела.

– Но вы же...

– Да развелись мы. Как Маринка родилась, так я на развод и подала. Мы и до того вместе не жили. Так... получилось просто.

Повисло тягостное молчание, и тут бы нам распрощаться, но просто уйти было неловко, и я толкнул в бок Фролова.

– Слушай, Анька из кафетерия уволилась, на её место уже взяли кого-нибудь?

– Не, – сразу покачала головой Скокова. – Мне это чудо оставить не с кем. На полдня нереально из дома уйти.

– А давай ко мне в отдел! – предложил вдруг Фролов. – Не на полный день, просто на время основную продавщицу подменять. Ты и с крохой там побыть сможешь. Это рядом, в «Ручейке».

– Свой отдел? Ну ты даёшь!

– Ну не совсем мой, – сознался Андрей. – Мы там мебель выставаем. Ничего сложного, просто заказы принимать.

– Ладно, – кивнула Янка. – Я загляну на днях, посмотрю.

На этом мы разошлись, но почти сразу Фролов обернулся и проводил одноклассницу долгим задумчивым взглядом.

– Основная продавщица, да? – подколот я его.

– Не начинай лучше! – поморщился Андрей и перевёл разговор на другую тему. – Ты чего Захарова вообще приплёл?

– Да встретил его вчера. В курсе, что он с Кислым тусуется?

– Нет, сто лет его не видел.

– Ну, в общем, Тёму послали со мной занозиться. На «Диете» дело было.

– Да иди ты!

– Ага, пришлось его чуток поломать.

– А Кислый что?

– Ну я не стал ждать, пока вся братва подвалит. Прыгнул в троллейбус и уехал.

Фролов покачал головой.

– Хреново. Кислый, сука, злопамятный. Были бы мы с Графом или ты с Демидом – это одно, не рискнул бы наезжать. Но ты же сам по себе, так? В любой момент падлу могут кинуть. Лучше таскай с собой что-нибудь типа того топорика. Ну летом у тебя ещё был, помнишь?

Я кивнул.

– И сам о том думал.

Мы перебежали через дорогу, но пивной ларёк оказался закрыт.

– Пошли к «Ручейку», – предложил тогда Андрей. – Там допоздна пиво бывает. Я когда Аньку встречаю, обычно банку беру.

Я похлопал его по прессу.

– Смотри, животик отрастишь!

– Как отращу, так и сгоню! Просто времени нет в зал ходить. То одно, то другое. Впахиваю от рассвета до заката. Утром с заказами работаю или с пацанами на доставку езжу, вечером мебель собираю, сам же знаешь. Если б Толстый бухгалтерию не вёл, чокнулся бы.

И тут мой приятель душой нисколько не кривил: работы Гуревич навесил на него изрядно, уволился с завода он вовсе неспроста. Ещё и Ане пришлось уйти из кафетерия, чтобы взять на себя «салон», как именовался торговый отдел в «Ручейке».

– Ну это же отлично, что ты себя в бизнесе нашёл! – усмехнулся я.

Фролов поморщился.

– Если б всё так гладко было! – махнул он рукой. – Не, так-то грех жаловаться, обороты наращиваем потихоньку. Чиж с Ромой полностью загружены, надо кого-нибудь ещё на сборку мебели дополнительно привлекать – ты ж теперь в своём институте пропадаешь. Вот скажи – ну куда тебе это образование упёрлось? На первую же сессию забьёшь, тебя и отчислят! Какой понт время зря терять?

– Есть понт, – отмахнулся я. – И чего ты жалуешься? Вон, Евгений дембельнулся! Ты его за советскую власть агитируй, а не мне мозги сношай.

– Ты Жеку не знаешь? Он ещё месяц квасить будет, – усмехнулся Фролов и придержал меня. – Не, и здесь облом. Лампочка не горит.

– У поликлиники новый ларёк открылся. Давай там глянем.

И вновь сходили впустую: окошко в пивном киоске было наглухо задраено. Не везёт, так не везёт!

– Пошли в гастроном, бутылочного возьмём! – сдался Андрей и вздохнул. – Хорошо бы Янку в салон нанять. Моя не может там от рассвета до заката торчать, второй продавец нужен.

– А чего Алёну не позовёте? – удивился я.

– Анька звала, та отказалась. Не знаю почему, я в их дела не лезу. Так-то продолжают общаться. Вроде, нормально всё.

– Бойтся без работы остаться? Вдруг закроется...

– Чего это мы закроемся? – обиделся Андрей. – Ништяк у нас всё!

Я пожал плечами.

– Ты Алёнке это говори, не мне.

– Да ну её! Янку, вон, лучше возьму!

Но взяли мы пива. К нашей несказанной радости, в продаже имелось свежее «Жигулёвское», им и затарились. Купить получилось меньше, чем разливного, зато это с гарантией было неразбавленным. По сути, то на то и выходило, а о превосходстве вкуса и вовсе не приходилось говорить. Разве что нести было не так удобно – банки-то не выкинешь. Но как-то распределили груз на двоих, двинулись в обратный путь.

– Давай живее! – поторопил меня Фролов. – Евгений разоряться будет, что долго ходим.

– Да и в рот его ногами, – фыркнул я.

– Хорош, Серый! Чё ты начинаешь?

У меня с Зинчуком никогда отношения не складывались, но не полез в бутылку, лишь пожал плечами.

– Проехали.

К этому времени мы уже перешли через дорогу и шагали меж торцов двух девятиэтажек, намереваясь пройти по краю частного сектора. Там-то я, отвлекшись на разговор с приятелем, и зацепил плечом встречного мужичка. Ну или он меня зацепил – это как посмотреть. В конце концов, мог бы и посторониться чуток, раз у человека руки заняты.

Тем не менее, значения инциденту я не придавал и даже не обернулся, но не тут-то было.

– Эй! Ты чё в шары долбишься?! – тут же послышался злой окрик.

Мы обернулись и уставились на мужичка лет тридцати в спортивном костюме. Был он невысоким, но жилистым и определённо – слегка поддатым.

– Ты, олень, ничего не попутал? – бросил я в ответ.

Мужичок вскинул руки и принял боксёрскую стойку, опрометчиво упустив из виду моего спутника, за что немедленно и поплатился. Я ещё и сумки на землю опустить не успел, как Андрей на шаг вперёд махнул ногой и впечатал кроссовок в голову поддатого дядьки. Тот вмиг скопытился, Фролов подступил и пробил пару раз кулаком, потом наклонился, а выпрямился уже с отливавшей золотом цепью, весьма и весьма солидной на вид.

– Дюша, ты чего, блин?! – опешил я.

– Валим! – коротко ответил Фролов, подхватил свою сумку и поспешил прочь. – Валим, Серый!

Я мешкать не стал и рванул следом, а только мы свернули на тенистую улочку посёлка, и Фролов разочарованно выругался.

– Чего опять? – забеспокоился я.

– Думал, золото, а это фуфло, – пояснил Андрей и замахнулся, решив выкинуть цепочку в траву, но делать этого в итоге не стал. – Евгену подарю. Не ну а чё? Выглядит солидно, так сразу и не скажешь, что голимый «жёлтый металл».

«Да он и сам не золотой, а ржавый», – хотел пошутить я насчёт цвета волос нашего рыжего друга, но промолчал. И пожалел об этом, когда открывший дверь Зинчук с недовольным видом протянул:

– Вас только за смертью посылать!

Я сунул ему одну из сумок, и Евген спросил:

– А разливного не было, что ли?

– Не было, – подтвердил Фролов. – Чего, думаешь, так долго ходили?

Зинчук кивнул и унёс пиво в комнату, мы разулись и прошли следом.

– Я вам говорю, просто две дырки делали и банку сгущёнки за раз выпивали! – доказывал Евген парням. – Серьёзно! Давайте на сотку забьёмся!

Но спорить никто не пожелал, пацаны стали откупоривать бутылки и разливать пиво по кружкам. Выпили, Фролов презентовал хозяину квартиры цепочку, поболтали о всякой ерунде, ну а потом я начал собираться.

– Ладно, пора мне! – сказал, поднимаясь из-за стола.

– Ты чего? – удивился Фролов.

– Так понедельник завтра. С утра на учёбу.

– Гонишь, что ли? – рассмеялся Зинчук.

– Серьёзно.

– Да ну! Хорош откальваться!

Я хоть и был уже подвыпившим, оставаться не пожелал.

– Меньше народу, больше кислороду! – пошутил Лёня Гуревич, когда я напоследок обменялся со всеми рукопожатиями и направился в коридор.

Но стоило только обуться, и появился Андрей с парой бутылок пива в руках. Он вышел в подъезд и протянул одну мне.

– На посошок!

Я подумал-подумал и решил не отказываться.

– Вот куда ты собрался? – спросил Фролов, когда мы уселись на ступеньки. – Пацаны к тёлкам в общагу сейчас поедут!

– Не, это точно без меня!

Андрей кивнул и поинтересовался:

– Ты свою-то шпилишь уже?

На бестактный вопрос я обижаться не стал, коротко ответил:

– Не-а.

– В натуре, что ли? – поразился Андрей. – А чего так?

– Не дозрела пока.

– Серый, не гони! – фыркнул Дюша. – Я же её в купальнике видел – всё там уже дозрело.

Самый сок!

– Кроме мозгов.

– Ну так другую найди.

– А я другую не хочу, – с усмешкой признал я. – Ты вот на Аньку сразу запал, так?

Фролов неопределённо пожал плечами и пробормотал:

– Запал, да... – но пробормотал как-то не слишком уверенно.

– Чего такое? – озадачился я.

– Да фигня, нормально всё!

Но я знал приятеля, как облупленного, поэтому на его показное безразличие не купился и покачал головой.

– Дюша, ты ж в любом случае мне на уши присядешь. Давай, колись, чего у вас там такое. Надоела?

– Да нет, не надоела.

Я приложился к горлышку, хлебнул пива и зашёл с другой стороны.

– С родаками, что ли, проблемы?

Когда Аня летом перебралась из общежития к Андрею, его родители жили на даче, откуда вернулись в самом конце августа. К этому времени Фролов планировал съехать на съёмное жильё, но не срослось.

– Нормально они ладят, она и с готовкой, и с уборкой помогает, – отмахнулся Дюша, потом вздохнул. – Там в другом дело. Ерунда, вроде, но... Короче, помнишь, я пару месяцев назад к тебе на работу с пивом приезжал?

– Ну да, было дело.

– Ну так вот: к Аньке тогда подкатил, мол, айда в койку, а по телику как раз церемония закрытия Олимпиады шла. Ну она меня и обломала. «Совсем дурак», говорит, «тут историческое событие транслируют, а ты с какой-то фигнёй лезешь». Я психанул, к тебе поехал.

– Она тебе не даёт, что ли?

– Да нормально у нас всё! Единичный случай был. Просто я подумал...

Удержаться от улыбки не удалось.

– Да, блин! – с обидой выдал Андрей. – Подумал! Это ведь ненормально так из-за какой-то Олимпиады обламывать! Дальше всё по-прежнему пошло, только, как в том анекдоте, осадочек остался. Начал я наши отношения разбирать и понял, что она вообще инициативы не проявляет. Ну натурально – нажми на кнопку, получишь результат. Как её поставлю, так и пользую. Хоть спереди, хоть сзади – она в этом плане вообще безотказная, но я вот думаю: а ей это надо вообще или она просто ждёт, пока кончу, чтобы поскорее телик пойти смотреть?

Я покачал головой.

– Зажрался ты, Андрюша, что ещё можно сказать? Сексом пресытился, высоких отношений захотелось.

– Член работает, а искра пропала, – признал Фролов. – Мы же по началу так зажигали, что соседи снизу прибежали. А теперь ещё шнурки вечно в стакане, не пошумишь. Может, действительно, на съёмную квартиру перебраться, тогда всё нормализуется?

– Ты лучше в «СПИД-инфо» напиши, там точно подскажут.

– Пошёл ты! – беззлобно ругнулся Андрей и надолго приложился к бутылке.

Я допил пиво и поднялся со ступеньки.

– Давай, до завтра! – попрощался с приятелем, но утопить оплавленную кнопку вызова лифта не успел – она загорелась за миг до этого, и где-то наверху зашумел двигатель.

Спускаться пешком после выпитого не хотелось, решил подождать, заодно отряхнул штаны. А там дверцы лифта открылись, и к нам вышел Саша Романов.

– О, пацаны! – удивился он. – А вы чего в подъезде сидите?

Поразительное дело, Рома был трезв как стёклышко, но определённо ненадолго: в пластиковом пакете у него позвякивало стекло. Заглянул туда – и точно, внутри обнаружили три бутылки водки, выданные мной за перевозку колючей проволоки.

– Да Серый домой собрался, я проводить вышел, – пояснил Андрей, пожимая руку приятелю.

– Не, Серёга, так не пойдёт! – остановил меня Рома.

– На учёбу с утра.

– Да погоди ты! Мне Воробей телеграмму прислал, он из Москвы во вторник приезжает.

– Рад за него.

– У него дело есть. Пошли, обсудить надо.

Ну я и пошёл на свою голову...

07|09|1992

утро-день

Утро началось с лечебных процедур: литр воды из-под крана внутренне, контрастный душ наружно. Пусть и говорят, будто градус нужно повышать, но водку после пива употреблять вчера определённо не стоило – хоть голова особо и не болела, в целом и общем состояние оставляло желать лучшего. По счастью, семинаров сегодня не было, и первые две пары я благополучно прокемарил на «камчатке», а с последней и вовсе малодушно дезертировал.

Уже на выходе столкнулся с курившим на крыльце в компании старшекурсников Витей Медниковым.

– Серый! – махнул он мне рукой, выкинул окурочек в урну и подошёл. – Ты всё, что ли?

– Ага, – коротко ответил я.

– В курсе, что в среду на картошку уезжаем?

Я не удержался и матернулся.

– Да ладно! – рассмеялся Витя. – Будет весело. Покатаем вату две недели, с девчонками поближе познакомимся. Самогон, костерок, изгиб гитары жёлтой, все дела...

Видел я эти костерки, песни и прочие незамысловатые прелести жизни на природе в гробу и белых тапочках, прямо об этом и сказал. Мелькнула даже шальная мысль забить на выезд в колхоз болт. Только-только денежная тема наметилась, а меня на две недели из нормальной жизни выдёргивают! Пусть даже только на десять дней – хрен редьки не слаще.

Проблемы с деканатом будут? Отчислят? А отчислят ли? Да и так ли это страшно?

С другой стороны, Гуревич и заднюю включить может. Опять же первое время дядька, один чёрт, станет всякие формальности утрясать, от меня в любом случае ничего зависеть не будет.

– Ладно, давай до завтра! – попрощался я и потопал к троллейбусной остановке, так ни к какому определённому выводу и не придя. Видно будет. Глядишь, к вечеру какая-никакая ясность и появится.

Дверь отпер своим ключом, а только переступил через порог, и дядя Петя немедленно окликнул с кухни:

– Явился, не запылелся! Паспорт неси!

– А что такое? – насторожился я.

– Что, что! – фыркнул дядька, снял очки, зажмурился и помассировал веки. – Учредительные документы за вас заполняю. Все глаза сломал!

Я не удержался и присвистнул.

– Не свисти, денег не будет! – возмутился дядька.

– Да ладно! – рассмеялся я. – Если документы заполняешь, значит, Гуревич наши условия принял, так? Деньги будут!

– Не говори гоп, пока не перепрыгнул! – вновь осадил меня дядя Петя и постучал пальцем по стопке листов, лежавшей перед ним. – Паспорт тащи!

Я разулся, сходил в комнату, принёс документы. Время терять попусту не стал, заранее поставил подписи во всех нужных местах, взглянул на часы и решил не смущать Зинку своим квёлым видом и немного вздремнуть. А то муторно как-то, хоть похмеляйся. Вот только с опохмелкой сложно остановиться, так недолго и снова накидаться. А наутро опять головная боль и очередные сто грамм для поправки здоровья. Натуральный замкнутый круг. Лучше прикорну.

Ну я и прикорнул. Не сказать, что в итоге сильно полегчало, но самочувствие определённо улучшилось.

– Когда сдаваться поедешь? – спросил я, выйдя на кухню.

– Тише ты! – шикнул на меня дядя Петя и выставил вверх указательный палец. – Слышал?

По радио шли местные новости. Какой-то гражданин шагнул в раскрывшиеся дверцы лифта и упал в шахту, поскольку из-за сбоя автоматики кабина остановилась этажом выше.

– И что с того? – спросил я, наливая себе стакан воды.

– Всё сыпется! Всё! – выдал дядька. – Страна на пороге катастрофы стоит, потому как порядка нет! Ельцин в Токио ехать собрался, точно тебе говорю – Курилы отдаст, сука!

Я вздохнул и ввязываться в лишённую всякого смысла дискуссию не стал, осушил стакан и предупредил:

– Со среды на картошку уезжаю, тебе в хозблоке дежурить две недели придётся.

– Но сегодня выходишь?

– Сегодня выхожу.

– Тогда ещё и завтра подежурь. Хорошо?

– Ну ладно, – пожал я плечами и повторил вопрос, на который так и не получил ответа: –

Документы когда сдавать будешь?

– Боря договорился с кем-то, к четырём в исполком поеду.

– И долго вся эта канитель протянется?

– Сказал же: Боря обо всём через знакомых договорился. Сделают в минимальные сроки, волынить не станут.

– Ну хорошо бы, если так.

Дядька фыркнул.

– Блат, Сережа, это не социалистический строй и не командно-административная система. Блат вечен. – Он поморщился и с отвращением отодвинул от себя документы. – Вляпался на старости лет!

Ничего утешительного мне на ум не пришло, так что я быстренько обулся и вышел из квартиры, негромко подпевая радиоприёмнику:

Парамарибо! Парамарибо!⁶

Так и пел, пока спускался на первый этаж, даже от головной боли отвлёкся. Ну а дальше без лишней спешки двинулся к школе, где, к немалому своему удивлению, наткнулся на Саню-Татарина и его прыщавого приятеля. Те скучали у дыры в сетчатом заборе, через которую школьники срезали дорогу к остановке, минуя ворота.

– Вы чего тут пасётесь? – спросил у пацанов, подойдя и поздоровавшись.

Санёк побренчал зажатыми в кулаке монетами.

– С пионеров мелочь сшибаем, – пояснил он, ссыпал деньги в задний карман джинсов и достал мятую пачку «Монте-Карло».

– Покурим, – тут же попросил Колян.

– Не, – мотнул головой Татарин и протянул пачку приятелю. – Бери целую. – После обратился ко мне: – А ты чего здесь, Серый? Свою встречаешь?

– Ага, – подтвердил я, поднырнул под верхнюю перекладину секции и двинулся к школьному крыльцу.

От трёхэтажного здания донеслось дребезжание звонка, и после совсем небольшой заминки из дверей начали выскакивать школьники; они будто вприпрыжку бежали от кабинетов на выход. Хотя почему – будто? Наверняка и бежали.

Потянулись учащиеся и в обратном направлении. Одни до того курили в ожидании перемены под балконами соседних домов, другие после занятий физкультуры шли от спортив-

⁶ «Парамарибо», группа «Квартал»

ных площадок за школой. В числе последних – вспотевших и раскрасневшихся, – я заметил несколько одноклассников Зинки и на крыльцо подниматься не стал, остался стоять посреди двора. Тут-то меня и окликнули.

– А ты здесь чё забыл?

Я без лишней спешки обернулся и встретился взглядом с размеренно жевавшим жвачку «бычком». Не животным, само собой, а тем самым Филиппом Зиминим, которого шуганул позавчера со двора. Был он выше меня минимум на полголовы и заметно шире в плечах, а доставшееся от природы сложение отшлифовал в качалке и потому выглядел более чем солидно. Натуральный бычок, что есть, то есть.

Но от классического «чё сказал?» я воздержался вовсе не из боязни идти на конфликт, нет – просто не желал давать оппоненту возможность выразить сомнение в остроте моего слуха. Перевёл разговор в другую плоскость вопросом:

– Ты кто, мальчик?

Проходившие мимо школьницы прыснули от смеха, а Зимин разом побагровел, да только реакции на свою реплику я порадоваться не успел. Санёк-Татарин вдруг гаркнул от забора:

– Серый, сза... – стремительный топоток за спиной... – ди!

Вот на «ди!» я и сиганул в сторону и лишь поэтому подошва кроссовка угодила не в поясницу, а чуть ниже. Тряхнуло знатно, но пинок пришёлся по касательной и меня не швырнуло в ноги «бычку», просто крутануло на месте. Устоять не вышло, нелепый пируэт завершился падением, ладно хоть успел выставить предплечья и сразу перекатом ушёл в сторону.

Наскочивший со спины пацан попытался достать вторым пинком, но на этот раз и вовсе промахнулся. Увы, не вышло зацепить его левой и у меня. Уклонился, сучонок! Тут бы сократить дистанцию на полшажка и выдать прямой правой, но вместо этого я отступил. Очень уж решительно двинулся вперёд Зимин, а такой врежет – мало не покажется. Надо аккуратней...

Впрочем, запала «бычка» надолго не хватило, и вместе с приятелем он быстро попятился к школьному крыльцу. Да оно и понятно: мало того что с ходу запинать меня не вышло, так ещё и Саня с Колей в стороне отсиживаться не стали, рванули на подмогу.

Школьники шустро образовали полукруг, но до драки не дошло. Нет – я спускать такую выходку отнюдь не собирался, просто появился физрук.

– Полоскаев! – рявкнул он. – Ты что творишь?!

– Здравсте, Пал Палыч, – криво улыбнулся я, отряхаясь. – А кто что творит? Вы о чём вообще?

Крепкий лысоватый мужичок окинул взглядом собравшихся учеников и скомандовал:

– Зимин, Ибрагимов, марш в школу!

«Бычок» с приятелем упрямитесь не стали, развернулись и ушли, а я недобро глянул им вслед.

Ибрагимов, значит? Ну-ну. Дружочек Зимина был чернявым и невысоким, не слишком-то и накачанным, но, как успел убедиться, весьма и весьма резким. Точно какими-то единоборствами занимается, неспроста пробить ему не сумел.

Санёк с Колей переглянулись и потопали к дыре в заборе, не желая мозолить глаза нацелившемся на меня физруку. А тот подошёл и потребовал объяснений.

– Полоскаев, ты что тут делаешь? Снова в школу потянуло?

– Жду кое-кого, – лаконично произнёс я в ответ.

– Смотри, дождёшься на свою голову, – предупредил Пал Палыч и ушёл, не став читать нотаций.

Ну а я остался и – да, дождался. Только-только отряхнулся, и на школьный двор в компании подружек зашла раскрасневшаяся после урока физкультуры Зинка. Она поцеловала меня в щёку – скорее клюнула носом даже, но зато предельно решительно и даже демонстративно, – и поспешила дальше, предупредив:

– Я быстро!

– Жду! – беспечно улыбнулся я, а у самого внутри всё так и закипело.

Вот сейчас ей и расскажут, как меня валяла по земле эта парочка малолетних дебилов. Стыдоба-то какая! Аж зубами от злости заскрипел и глаз задёргался, нестерпимо заныл рубец на виске.

Но успокоился как-то, подавил накрывший с головой приступ ярости. Посреди двора маячить не стал, двинулся к ожидавшим меня у дыры в заборе пацанам.

– Енот, это что вообще было? – спросил Коля.

Я отмахнулся от него – будто сам не видел! – и обратился к татарчонку.

– Саня, ты этих двух знаешь?

Тот неопределённо покрутил в воздухе пальцами.

– Не особо, Серый. Они сами по себе. Пнул тебя Артур, он в секцию ушу ходит в зал, где ещё дзюдоисты занимаются.

Я кивком дал понять, что представляю, о какой секции идёт речь, и Татарин продолжил:

– А второй...

– Зимин?

– Ага, Филя. Он вроде тяжёлой атлетикой занимался, а сейчас просто качается, чтобы жиром не заплывать.

Я ещё раз кивнул и с обречённым вздохом зашагал навстречу сбежавшей с крыльца Зинке.

– Серёжа! – обеспокоенно зачастила та. – Ты с Филом подрался?

– Не было ничего такого.

– Серёжа!

– С Филом я не дрался. Там второй быковать начал. Ибрагимов.

– Да? – озадаченно протянула Зинка, но вроде немного успокоилась. – И что теперь?

– А что теперь? – развёл я руками. – Дождусь его, объясню свою позицию. Ты только не переживай! Я просто с ним поговорю, драться не буду. Не враг же себе!

Девчонка поставила дипломат к ногам и заявила:

– Я с тобой подожду.

Вот тут я решительно покачал головой.

– Иди домой, я скоро буду.

– Но почему?!

– Да просто при тебе они крутых пацанов из себя корчить начнут, их до упора давить придётся. Пространства для маневров вообще не останется. Поверь на слово, ничем хорошим это не закончится. А так – нормально разойдёмся, без резких движений.

Не сразу, но убедил, и Зинка потопала домой, а я покрутил корпусом из стороны в сторону и поморщился от боли в бедре. И вроде не так сильно зацепило, а ноет очень уж неприятно.

– Вот ты складно лепишь! – ухмыльнулся прыщавый Коля. – Просто поговоришь, да?

– Именно, – подтвердил я с усмешкой. – Сначала поговорю.

Если разобраться, Фил не при делах, но упускать такую возможность обломать этому уроду рога я не собирался. Слишком он борзый, чем раньше на место поставлю, тем лучше. И пусть драться один-на-один далеко не самый простой способ решения проблемы, зато и не подкапается никто. Ну а в своих силах я был уверен.

И пребывая в такой уверенности ещё минут пятнадцать, пока Санёк не толкнул меня в бок и не указал на коцавшую через школьный двор на высоких каблуках разбитную деваху в коротенькой мини-юбке. Броский макияж, химическая завивка, не дурнушка, но и не красавица, из несомненных достоинств – немалый бюст и крепкий зад. На вид – лет двадцать с хвостиком.

- Серый, зырь! – шепнул мне татарчонок.
- Не в моём вкусе, – высказался я.
- Да не! – фыркнул тот. – Это Зимины. Сестра Фили!
- Он совсем дурак, что ли? – поразился я. – Сестру вызвонил? На кой?

Пацаны переглянулись.

– Она с Лемешевым живёт, – просветил меня Санёк. – Не слышал о таком? У него бригада водил, гоняют иномарки из Европы на перепродажу.

Тут-то по спине и пробежался лёгкий холодок.

– Авторитет? – уточнил я.

– Не-а, – мотнул головой Колян и откинул со лба чёлку. – Он с Сивым дела вёл, через него тачки сбывал. Сивого знаешь ведь? Тот, который в автосервисе застрелился?

Сивого я знал и лучше кого-либо иного был осведомлён об обстоятельствах его кончины, а ещё знал, что тот работал на живших в соседнем посёлке цыган. И раз те крышуют бригаду перегонщиков Лемешева, то вполне могут впрячься и за брата его сожительницы. Вовсе не факт, конечно, но палку перегибать определённо не стоило, ибо могло выйти боком. А с другой стороны – и спускать нынешнюю выходку с рук было никак нельзя. Зараза!

– О, идут! – встрепенулся вдруг Санёк.

И точно – от школьного крыльца к нам направлялись Зимины. Что интересно – шли они вдвоём, Ибрагимов с ними не было. Братец так и вышел в спортивном, только накинул поверх майки фирменную джинсовку. Банальной «молодёжной» стрижке он предпочёл что-то более заковыристое – модельное, а макияжу сестрицы с ярко-красной помадой и синими тенями мог позавидовать какой-нибудь индейский шаман. По её плечам рассыпались обесцвеченные кудряшки химической завивки, купная грудь тараном торчала вперёд, в глазах горел огонь – ну прям скандинавская валькирия. Ещё б жвачку не жевала...

Я поборол мимолётную неуверенность и выдвинулся навстречу, а дальше и слова вымолвить не успел, как подняла хай деваха.

– Ты что себе позволяешь, козёл?! – сходу заблажила она. – Ты знаешь, кто мой муж? Ты хоть представляешь, что он с тобой сделает, урод?

Захотелось отвесить истеричке леща, но я сдержался и уставился на Зинкиного одноклассника, не особо даже и пытавшегося скрыть самодовольной ухмылки.

– Завтра в восемь на школьном стадионе, – заявил, глядя ему в глаза. – Чтобы оба были.

Зимины так и взвизгнула.

– Ты, придурок, кем себя возомнил? Да тебя в асфальт закатают! Тебе конец, ты понял?!

– Не придёте, хуже будет, – добавил я, и ухмылочка у «бычка» явственным образом померкла.

Его сестрица шагнула вперёд и даже замахнулась, намереваясь проехать по моему лицу длинными накрашенными ногтями, но стоило угрожающе развернуться, так и замерла с занесённой рукой.

– Сева тебя уроет! – выдала она, будто выплюнула. – Ты мне ноги, чмо, целовать будешь!

Сталкиваться с новоявленными хозяевами жизни приходилось уже не раз и не два, но ещё никогда прежде не испытывал столь нестерпимого желания придушить одного из них. Даже Мальцев, уж на что злопамятной гнидой оказался, и тот такого откровенного омерзения не вызывал. А тут – так и перетряхнуло всего, аж лицо перекосило от бешенства. Как сдержался – сам не понимаю.

– Завтра. Восемь. Стадион, – процедил я, развернулся и зашагал к забору.

Вдогонку понеслась совсем уж откровенная брань; сделал вид, будто ничего не услышал. Саня-Татарин оглянулся и покачал головой.

– Блин, я бы не сдержался. Точно бы всё и по херу на всё!

– Нельзя портить чужую собственность, – пожал я плечами с деланной беззаботностью, хотя в груди всё так и kloкотало, а пульс и вовсе чуть ли не зашкаливал.

– В смысле? – не понял Санёк.

– Какой спрос с подстилки? Она меня сожителем страшила, вот с него и спрошу.

Колян присвистнул.

– С Лемешева? Так он под цыганами ходит!

– Да без разницы, под кем он ходит. За такой базар при любом раскладе ответит.

Но на деле так далеко я не заглядывал. Для начала собирался отделать Филя и его резкого дружка. Ну а если мы с пацанами против группы поддержки «бычка» не потянем, у Демида помощи попрошу, он не откажет. Самый фиговый расклад, с какой стороны ни посмотри, но тут заднюю уже не включить – придётся до конца идти.

– Мы завтра придём? – спросил вдруг Санёк.

– Приходите, – разрешил я. – Только особо не распространяйтесь, лады?

Пацаны пообещали не болтать и отчалили, а я двинулся домой, точнее – к Зинке. Та открыла на звонок почти сразу, но меня в квартиру запускать не стала, вместо этого надела тапочки и вышла в подъезд сама. Её родители вернуться с работы в столь ранний час никак не могли, а младшие брат с сестрой учились во вторую смену, так что я даже не попытался скрыть удивления.

– Ты чего?

– Рассказывай! – потребовала Зинка, оглянулась на дверь и пояснила: – У меня Зоя с Ксюшей, не дадут поговорить спокойно.

Я обнял девчонку и в шутку предложил:

– Может, тогда ко мне поднимемся?

Зинка в ответ скорчила рожицу.

– Серёжа! Рассказывай, что у вас там стряслось!

Я тяжело вздохнул.

– Да ничего особенного. Зимин вызвонил сестрицу, она подрала глотку, и разошлись.

Девчонка пресекла мою попытку переместить ладонь с талии чуть ниже, но отстраняться не стала, лишь потребовала:

– С самого начала, Серёжа, рассказывай! С самого начала!

Ну я и выдал слегка отретушированную версию. Зинка помрачнела.

– Ты с Артуром осторожней. Он с головой не дружит и вечно за Филом бегаёт как хвостик.

– За Филей, – поправил я подругу, и та хихикнула, но сразу согнала улыбку с лица и заглянула мне в глаза.

– Драться будете?

Я ничего не ответил, просто её поцеловал. Но в итоге, конечно, пришлось признаться.

– Завтра вечером, – сказал, не став делать секрета из нашей договорённости, а точнее – моего ультимативного требования.

Зинка печально вздохнула и потянула в квартиру.

– Идём, у меня посидим.

Отпускать девчонку не хотелось, но и стоять на лестничной клетке под прицелом соседских дверных глазков тоже было не дело, и я последовал за подругой в надежде, что её одноклассницы не станут засиживаться до самого вечера и оставят нас наедине.

Нет, ну а вдруг?

07|09|1992

Вечер

Сбыться моей надежде оказалось не суждено. Если Зоя вскоре отправилась делать уроки, то кудрявую хохотушку Ксюшу пересидеть не удалось, пусть и поднялся к себе только в шестом часу. Ну а в остальном – неплохо пообщались, и помимо пищи духовно-музыкальной, мне перепала ещё и тарелка шей, а в придачу к ней кружка чая и пара бутербродов с копчёной колбасой.

Ну и самое главное – Зинка постепенно перестала нервничать и бросать на меня обеспокоенные взгляды, успокоилась. Да на самом деле ничего страшного и не произошло; зная норы своего одноклассника, она наверняка понимала, что конфликт между нами лишь дело времени и всё могло обернуться куда хуже, нежели простая драка по предварительной договорённости. Впрочем, всё ещё может обернуться хуже.

Но вот об этом я как раз говорить и не стал. Правда, настроение Зинке под конец всё же испортил. Уже в дверях пришёлкнул пальцами и сказал:

– Да, слушай! Нас со среды на картошку отправляют.

Девчонка накуксилась и уточнила:

– Надолго уедешь?

– Дней на десять, наверное. До конца следующей недели.

– К моему дню рождения вернёшься?

– Двадцать второго буду в городе железно. Понадобится – убегу.

И дабы придать убедительности своим словам я Зинку поцеловал, но толком попопаться не дала Ксюша – эта кудрявая зараза тут же начала напевать:

– Тили-тили-тесто!..

Ну я и пошёл к себе. А в одиночестве опять накатил приступ злости, чуть со всего маху кулаком по стене не врезал. И отвлечься шансов никаких – в голове так и прокручивалась раз за разом вся сцена от начала и до конца. И вроде сделал всё правильно, а непроизвольно прикидываю, что должен был сказать, дабы ту парочку на место поставить. Может, и в самом деле стоило леща зарядить? Или перебор?

Дома надолго не задержался. Настроения читать лекции и готовиться к семинарам не было, да и другие планы на вечер наметил. Собрал в спортивную сумку сменную одежду, кинул сверху полотенце, потом немного поколебался и уложил туда же цельнометаллический топорик, сварганенный знакомыми пацанами в мастерской десятой шараги. С моим сегодняшним везением ничего не стоит ещё и на братву Кислого налететь. Ну и вообще лишним не будет.

Первым делом двинулся в гаражи, намереваясь заручиться поддержкой пацанов, но бокс Гуревичей оказался заперт. Глянул на часы, потопал в качалку. И вновь прогадал. Нет, сегодня в любом случае намеревался тягать железо, просто, к своему немалому удивлению, не застал там Андрея Фролова, который вчера клятвенно пообещал составить мне компанию.

Ничего переигрывать по этому поводу не стал, потрепался со знакомыми пацанами, размялся, разогрелся, начал заниматься. Тогда-то и появился Костя Чижов.

– Привет! – подошёл я к нему. – Не знаешь, где Дюша? Он вроде собирался сегодня прийти.

– Его Анька непустила, – пояснил Чиж и развёл руками. – Чё ты ржёшь? Настоящую истерику закатила. Мол, она безвылазно в салоне сидит, а он непонятно где шастает. Ну Дюша и не пошёл никуда.

Я только головой покачал и никак комментировать услышанное не стал. Не пошёл и не пошёл, своя голова на плечах. Другое дело, что с ним насчёт завтрашней стрелки поговорить надо, придётся самому теперь в салон тащиться.

Костя вызывался составить мне компанию, и я немного подождал его, а потом мы на пару двинулись к «Ручейку».

– Может, пива возьмём? – предложил Чижов, когда проходили мимо коммерческого киоска.

У меня в карманах гулял ветер, и я покачал головой.

– На нулях.

– Да не вопрос, со мной за мебель рассчитались.

Я прищёлкнул пальцами. Точно! Понедельник же! Толстый обещал сегодня за август получку выдать. Блин! Надо было сразу после политеха в гараж идти, а теперь уже только завтра деньги смогу получить.

Чиж купил в ларьке шесть бутылок, открывать их не стали, убрали в мою сумку со сменной одеждой; сам Костя пришёл в качалку с пластиковым пакетом, его ручки подобного веса могли и не выдержать.

– Сходи, вызови его, – сказал Чижов на крыльце «Ручейка» и достал пачку сигарет. – Анька на меня и так волком смотрит, скоро кусаться начнёт.

Я поставил сумку ему под ноги и прошёл в магазин, там миновал немногочисленные секции, где продолжали торговать рыболовными снастями и спортивными товарами, и двинулся в дальнюю часть, разгороженную на закутки со всякой всячиной: одеждой, аудиокассетами и батарейками, мелкой бытовой техникой, книгами и даже парфюмерией. Именно там располагался отдел Гуревича; был он лишь чуть больше соседних, туда кое-как уместились два диванчика да заменявший прилавок журнальный столик.

Вот за ним-то, друг напротив друга, и сидели Андрей и Анна. Вид оба имели утомлённый, но закрыть избушку на ключку и отправиться домой не могли по той простой причине, что только-только закончился рабочий день и в магазине намечался вечерний приток посетителей.

– Привет-привет! – расплылся я в широкой улыбке, протянул руку приятелю и обратился к его подруге: – Ань, украду у тебя Андрея?

Девушка тяжело вздохнула, и обтянутая кофточкой внушительная грудь колыхнулась столь впечатляюще, что проняло даже меня, хоть ценителем такого монументального сложения и не был. Но тут любого нормального мужика зацепило бы: подруга Андрея отличалась на редкость выдающимися формами, при этом об излишней полноте речи не шло. Пока – так уж точно.

– Серёжа! – страдальчески протянула Анна. – Я и так здесь дни напролёт кисну! Ты предлагаешь до самого закрытия одной куковать?

– Так это, – пихнул я локтем в бок поднявшегося на ноги приятеля, – мы тебе сменщицу нашли. Андрей ещё не сказал, что ли?

– Не говорил, – поджала губы Аня и прищурилась. – И кого нашли?

– Одноклассницу нашу бывшую, – пояснил я. – Хорошая девочка, сработается.

Аня кинула пристальный взгляд на Андрея, скрестила ноги и вдруг спросила:

– И чья это первая любовь?

– Почему сразу – любовь? – насупился Фролов. – Чё ты начинаешь?

Я быстренько вытянул его в проход и подмигнул Ане.

– Только не первая, а просто школьная.

– Никак твоя, Сергей?

– Это было давно и неправда, – улыбнулся я, не став сдавать товарища. – Завтра знакомиться приведу! – А когда мы уже отошли от салона, недоумённо спросил: – Ты чего там сопли жевал? Сам о Янке сказать не мог, что ли?

– Да повода не было, – пожал Фролов накачанными плечами, встопорщил короткий ёжик светлых волос и прищёлкнул пальцами. – Да! Серый, ты не забудь – завтра утром Воробья на вокзале встречаем.

Я наморщил лоб и припомнил, что Рома действительно говорил вчера о чём-то подобном, прежде чем в ход пошла тяжёлая артиллерия в виде трёх бутылок «Пшеничной».

– Во сколько его поезд приходит?

– В пятнадцать минут седьмого уже там надо быть.

– Блин! – выругался я. – И ни туда, и ни сюда! Но раз обещал, съезжу, куда деваться.

– Молорик! – похвалил меня Андрей. – А сейчас чё пришёл?

– Дело есть.

Мы вышли из магазина к успевшему докурить Чижу, я подхватил свою сумку и предложил пройтись до ближайшего садика. Детей на площадках уже не было, уселись на одной из веранд, достали пиво. Я немного поколебался – только-только после вчерашнего голову ломить перестало, но всё же откупорил бутылку, сделал длинный глоток. Потом в подробностях рассказал о сегодняшней стычке с Зиминим, не упустил и поведение его сестрицы.

– Вот сука! – взорвался Костя. – Да за такой базар раком ставить надо!

– Надо, – кивнул Андрей. – Только ты, Серый, всё правильно понимаешь, спрашивать не с этой шмары нужно, а с Лемешева.

Я приложил ко лбу бутылку, покатал её и спросил:

– И как ты это себе представляешь? Лемешев под цыганами.

Фролов презрительно фыркнул.

– Тоже мне проблема! Не слышал, что ли? Всех центровых у цыган повыбивали!

– Прямо всех?

– Мы с Графом на этот счёт языками зацепились, там замута из-за наркоты началась, – пояснил Андрей. – Кто-то торговлю травкой отжать решил, и сначала цыган просто прессанули, а когда те не поняли, у них сразу несколько человек завалили. Не слышал, что ли? На днях дело было.

– Про убийство слышал, – подтвердил я, только сейчас начиная понимать, с чего так пригорело у Козлова. Да уж, если начнутся разборки между бригадами, то нынешними тремя покойниками дело точно не ограничится. Вот и засуетился товарищ старший оперуполномоченный...

– Лемешев сейчас сам по себе, точно тебе говорю, – уверил меня Фролов. – А сам по себе он никто и звать его никак. Если завтра придёт, мы его ещё и на деньги опустим.

– А если не придёт – не опустим... – пробормотал я в задумчивости и откупорил вторую бутылку. – Дюша, насчёт цыган – это верняк? Не впрягутся они?

– Вернее не бывает.

– А водилы? Которые тачки из Европы гонят?

– Да мужики обычные. Им такие головняки точно не нужны. А что?

– Ну ты же поговорку о горе и Мухаммеде слышал? Вот не придёт завтра Лемешев на стрелку, и получится, что эта сучка безнаказанно на меня полкана спустила. Ну сломаю я её братца, и какой в том понт?

– Предлагаешь потрясти этого дятла? – оживился Костя Чижов. – Пацаны, а это идея!

– Не потрясти, а требовать компенсацию, – поправил я. – И потом нам никто слова поперёк не скажет. Мы, с какой стороны ни посмотрим, правы будем.

– Однозначно! – согласился со мной Андрей. – Ну смотрите – Лемешев в доме, где «курятник», живёт. Можем пойти.

Я поднялся на ноги и спросил:

– Евгений с Ромой где сейчас?

Фролов только рукой махнул.

– Они в ноль уже должны быть, с утра похмеляться начали.

– Да сами справимся! – фыркнул Костя и щёлкнул себя по кадыку. – Я когда чуток под этим делом, любого уболтать могу!

«Фиг ты кого уболтаешь, если тебя сходу метель начнут», – мог бы сказать я, но не сказал. Инициатива была на нашей стороне, один против троих перегонщик точно не пойдёт, а пойдёт – ему же хуже.

– Ладно! – махнул я рукой, в несколько длинных глотков допил остатки пива и поставил бутылку на дощатый настил веранды. – Двинули!

Жил Лемешев в трёхэтажном доме ещё сталинской постройки, в помещениях с торца которого располагался безымянный кинотеатр, именовавшийся в народе «курятником». Квартира бригадира перегонщиков выходила окнами не во двор, а на боковую дорогу, и хоть свет не горел ни в одном из них, судя по отблескам работающего телевизора, хозяин был дома.

Почему именно хозяин? Да просто на газоне у двери чёрного хода приткнулась новенькая иномарка.

– «Опель «Омега», – с видом знатока определил Чиж. – Я такую на вкладыше «Турбо» видел.

– Только не «Омега», а «Вектра», – поправил его Фролов, который обошёл автомобиль по кругу. – Точно Лемешева тачка. Он её на ночь под окнами не бросит, можем подождать.

– Да вот ещё! Сейчас сам выйдет! – усмехнулся я и уселся на капот иномарки, а согнутую в колене ногу упёр пяткой кроссовки в бампер. – К стене встаньте, – велел после пацанам и на всякий случай расстегнул молнию спортивной сумки.

Затем натянул кожаные перчатки и обжал их, несколько раз стиснув пальцы в кулаки. Ну и дальше уже тянуть не стал, с силой хлопнул ладонью по капоту автомобиля.

Одна из форточек нужной нам квартиры была приоткрыта, и странный металлический отзвук незамеченным не остался. Сначала перестали мельтешить отблески экрана телевизора, затем колыхнулся тюль, а после и вовсе со скрипом приоткрылась рама и в окне замаячила физиономия мордатого мужика.

– Ну-ка быстро от машины сдриснул! – раздражённо прикрикнул он на меня.

– А если нет, то что? – нагло ухмыльнулся я в ответ.

– Урою!

Время было не самым поздним, и со двора доносились крики детей, но с этой стороны дома никто не гулял, случайных свидетелей перепалки опасаться не приходилось, и я зло оскалился.

– А здоровья-то хватит, дядя? – И на этот раз одним только риторическим вопросом не ограничился, снова приложил ладонью по автомобилю. – Дорогая, поди, тачка? Лобовуха на сколько потянет?

– Ну, сука... – коротко выдал Лемешев и отступил от окна, скрылся из виду.

По спине побежал холодок, но я переборол неуверенность и с капота не слез. Даже если у перегонщика на руках имеется ствол, чего исключать было никак нельзя, сходу он стрелять точно не станет, пусть пистолет и не боевой, а только газовый. Потом же машину от порошка отмывать. Оно ему надо?

Ну я и остался сидеть, просто сунул руку в сумку и нащупал рукоять туристического топорика. А дальше с грохотом распахнулась дверь чёрного хода и на улицу с монтировкой в руке выскочил взбешённый мужик весом за центнер. Но – не качок и не боец, просто высокий и раздобривший, с изрядных размеров пузом.

– Урою! – рыкнул он, но меня своей угрозой не впечатлил.

– Утомонись, Сева, а то поранишься, – усмехнулся я, вытянул из сумки топорик и подбросил, чтобы миг спустя, не глядя, перехватить крутанувшуюся в воздухе ручку.

Лемешев замер как вкопанный, потом неуверенно попятился, но тут от стены отлипли Андрей и Костя, перекрыли ему дорогу к отступлению. Да я и сам соскочил с капота, зашёл на газон.

– Вы чего, мужики? – спросил перегонщик враз осипшим голосом.

Фролов забрал у него монтировку и отбросил в кусты, после вернулся к двери чёрного хода и подпер её плечом, а Костя Чижов так и остался рядом, лыбясь во все тридцать два зуба.

– Как чего?! – удивился я и даже развёл руками. – Сева! Разве твоя прошимандовка не рассказала, как лихо она разрулила проблемы братца? Да ладно?! Ты же меня в асфальт закатать должен после того, как я ноги этой шалаве исцелю!

Сдерживаться я даже особо не пытался, и упитанная физиономия Лемешева враз покрылась испариной.

– Я ничего такого не говорил. Я вас даже не знаю, – выдавил он из себя и сразу успокоился, уже куда уверенней спросил: – Ко мне какие претензии?

Чиж хохотнул и хлопнул его по плечу.

– Я не я и баба не моя? Молодец! Продолжай в том же духе!

Заявление это Лемешеву определённо не понравилось, но он промолчал и выжидающе уставился на меня.

– Ты не говорил, к тебе претензий никаких нет, – подтвердил я и указал топориком на окно. – Но вот она до фига лишнего наговорила и ей за это придётся ответить. Мы тебя просто в известность решили поставить. Чтоб потом не заикался, будто не в курсе был.

Лемешев сглотнул, и Костя вновь хлопнул его по пухлому плечу.

– Сева, да ты не переживай, мы ж не звери, бить её не станем. Отработает! И отработает со всем усердием и неоднократно, ведь брат – это святое!

Вот тут перегонщика проняло окончательно, он посмотрел на меня, затравленно оглянулся на размеренно жевавшего жвачку Фролова и судорожно сглотнул.

– А если вписаться кого попросишь, так ещё и должен останешься, – продолжил давить Чиж. – Там такие слова звучали, за которые и твою подружку, и тебя самого в асфальт закатать нужно!

– Деньгами вопрос не решить? – обратился ко мне Лемешев. – Все только в выигрыше останутся!

Я ничего не ответил, вернулся к «опелю» и вновь уселся на его капот, за меня ответил взявший на себя роль переговорщика Чиж.

– Сколько?

Лемешев вновь сглотнул и неуверенно оглянулся.

– Я не знаю, сколько дома есть. Надо посмотреть.

– Посмотри, – разрешил Костя.

– Так я схожу?

– Иди! – разрешил Чиж и тут же, противореча самому себе, ухватил перегонщика под руку. – Иди, Сева, иди! Только помни, мы у тебя бабки не вымогаем. Нам они не особо и нужны, если разобраться. Так скажу – с твоей бабой пообщаться куда интересней будет. И если решишь, что деньги тебе дороже, мы поймём и лично тебе претензий предъявлять не станем. Но ты же понимаешь, что сама собой проблема не рассосётся?

– Даже не сомневайся – Кашпировский не поможет! – вставил я свои пять копеек.

– Я сейчас! Сейчас вернусь!

Лемешев двинулся к двери чёрного хода, и Фролов посторонился, позволяя ему пройти, потом подошёл к нам и негромко спросил:

– Думаете выгорит?

Я сунул топорик в сумку и застегнул молнию.

– Главное, чтобы ментов не вызвал.

– А мы чего? – ухмыльнулся Костя. – Мы ничего. Денег у него не вымогали. Не докажет!

– Он вообще может не вернуться, – предположил Андрей. – И что тогда делать будем?

Не ждать же его всю ночь!

– Если не выйдет – признает, что неправ и долг на себя повесит! – ухмыльнулся Чиж. – На счётчик поставим.

– Выйдет, – уверенно заявил я и похлопал ладонью по капоту. – Не знаю, насколько он ценит свою корову, а машину точно не бросит.

Тут из приоткрытого окна донёлся пронзительный вскрик и отзвук сочной оплеухи, а затем окно квартиры Лемешева закрылось и отрезало от нас приглушённый женский плач.

– О! – встрепенулся Чиж. – Награда нашла своего героя!

Я злорадно усмехнулся, но особого удовлетворения не испытал. Легко отделалась, сучка.

Вновь распахнулась дверь чёрного хода, появился Лемешев. Он подошёл и достал из кармана спортивных штанов толстую пачку двухсоток.

– Я плачу – и на этом всё. Больше никаких претензий ни к Юле, ни к её брату! Договорились?

Прощать Филе его выходку категорически не хотелось, и я коротко отрезал:

– На хер! Разговор только о твоей бабе шёл! Мы её косяк разбираем!

– Она за брата заступилась! – продолжил упорствовать перегонщик.

– А вот не надо было!

Костя резко обернулся и досадливо скривился.

– Серый, погода! Пацан вообще не при делах!

– Ты чё несёшь? – выдал я, не сдержавшись.

– Тебя ведь второй пнул, так? – напомнил Чижов. – Ну ты же сам говорил!

Я едва удержался от того, чтобы не послать его далеко и надолго. Своим заявлением он поставил меня в дурацкое положение, потому как формально Филя действительно не сделал ровным счётом ничего и предъявить ему было нечего. Зинка и та на него не жаловалась.

Блин! Ещё и Лемешев стоит, уши греет. Последнее дело при посторонних такие вопросы обсуждать, и я сдался, махнул рукой.

– Хрен с ним, пусть живёт! Но предупреждаю сразу: за следующий раз деньгами уже не возьму!

Лемешев сунул перетянутую аптечной резинкой стопку банкнот Косте, тот указал на меня, а я кивнул на капот рядом с собой, и не подумав взять купюры в руки.

– Сколько там? – спросил только, когда Лемешев бросил пачку на машину.

– Десять тысяч.

– Сколько?! – Я соскочил с машины и пихнул мужика ладонями в грудь, заставив его отступить на шаг. – Сева, ты в конец охерел?! Решил десятью кусками откупиться? Ты за кого нас держишь, козёл?

– У меня нет больше! – быстро ответил Лемешев. – Всё в машины вложено!

– Чё ты нам чешешь?! – вновь взял на себя инициативу Костя, делая мне знак отступить. – Думаешь, мы о твоём бизнесе не в курсе?

– Все деньги в машины вложены, я их продать не могу, с ментами проблемы! Да вы поймите, у меня четыре иномарки зависли! Я в долгах как в шелках!

– Ничего мы понимать не будем, – отрезал Костя. – С тебя ещё двадцать штук. Завтра в пять чтобы были!

– Да где я их возьму?!

– Где хочешь, там и бери. Меня не колышет, – развёл руками Чиж и вдруг добавил: – И готовься за крышу по тридцатке каждый месяц отстёгивать!

Лемешев аж рот от изумления разинул, да я и сам оказался подобным поворотом изрядно удивлён, ведь ни о чём подобном изначально и речи не шло. А Костя не дал вставить никому ни слова.

– Чё ты глазами хлопаешь? Деньги платить будешь за охрану, не просто так. Наедут на тебя отморозки какие-нибудь, мы прикроем. И бабу твою прикроем, если опять накосячит. Время такое, без охраны никуда. У нас бригада большая, не сомневайся.

Я и без того был слишком заведён и зол, неожиданный поворот попросту выбил меня из колеи. Пока собирался с мыслями, момент оказался упущен, началась перепалка, и стало слишком поздно пытаться перевести всё в шутку. Тут ровно в поговорке о слове и воробье – ляпнул Костя о крышевании и всё, обратно уже не открутить.

Полное лицо Лемешева пошло яркими пятнами, и он рявкнул:

– Мы так не договаривались!

– А тут и договариваться нечего! – отрезал Чижов и пихнул собеседника в грудь, заставив отступить на шаг назад. – Условия озвучили, других не будет! Понял?

– Мне... Мне надо подумать... – выдавил из себя Лемешев, кинув быстрый взгляд на Андрея, стоявшего между ним и чёрным ходом.

Костя благодушно похлопал мужика по плечу.

– Думай, Сева. Думай. Кто тебе мешает? Но завтра в пять мы должны услышать правильный ответ. Уяснил?

Бригадир перегонщиков неуверенно кивнул, развернулся и направился к чёрному ходу. Я дождался, когда за ним закроется дверь, переправил пачку двухсоток себе в карман, подхватил сумку и зашагал прочь. Пацаны поспешили следом.

– Ты совсем дурак? – насел я на Чижа, когда мы завернули за угол. – Какая, на хер, ежемесячная плата? Ты с чего вообще о ней заикнулся?

– А чего такого? – округлил глаза пацан, искренне не понимая причину моего возмущения. – Вы же сами сказали – он без крыши остался! Должен же кто-то этого барана стричь! Почему не мы, а?

Андрея такой ответ не устроил.

– А если на него бандиты наедут или сам серьёзный косяк упорет – что тогда?

– Блин, вы как маленькие! Скажем, извини, но шерифа проблемы индейцев не волнуют, дальше ты сам по себе. Да чё вы паритесь? Все так делают! Срубим с него бабла, сколько можем, чё такого?

Мне подобное развитие событий несколько не нравилось.

– Костя, ты совсем дурак? Мы же по полной программе влететь так можем! Если что – спрашивать не только с него, но и с нас станут!

– Да нормально всё будет!

– Это ты сейчас говоришь!

Чижов развёл руками.

– Ну иди скажи, что мы пошутили!

– Так дела не делаются, – покачал головой Андрей. – Раз сказали, что нам теперь платит, уже поздно переигрывать.

На это возразить мне было нечего, в сердцах заметил:

– Вот придём завтра и примут нас менты!

Но Андрей Фролов только плечами пожал.

– Возьмём «буханку», – решил он. – Рома крыло заднее помял, если что – скажем, будто Лемешев в нас въехал, а деньги на ремонт.

Я в сердцах матернулся, достал из кармана стопку двухсоток и отсчитал пацанам по пятнадцать купюр, остальное сунул обратно. Получить на ровном месте четыре тысячи – это, конечно, здорово, но на душе скреблись кошки. Как бы мы сегодня помимо денег не заработали себе на голову ещё и кучу совершенно ненужных проблем.

Слишком уж легко Лемешев сломался, неправдоподобно легко. Одно дело жалкой подачкой из-за реального косяка откупиться, и совсем другое – позволить каким-то левым пацанам

себе на шею сесть и ножки свесить. А бизнес с перегонном тачек точно не для слабаков, и связи у людей в этой сфере деятельности самые обширные. Если, конечно, раньше не Сивый всем занимался, а Лемешев просто на подхвате был – тогда да, тогда что-то может выгореть. Но даже так я бы предпочёл остаться в стороне. Вот только уже ничего не переиграть...

08|09|1992

утро-день

Подхватили меня в половине шестого утра прямо у хозблока. Отчаянно хотелось спать, но деваться было некуда: пацан сказал, пацан сделал. За рулём с совершенно стеклянными глазами сидел Саша Романов, соседнее место занимал Андрей, и мне пришлось лезть через боковую дверцу в кузов, где ехали Костя и Евгений. От последнего так шибало перегаром, что алкогольные пары вполне могли воспламениться, вздумай тот закурить.

Шутка, конечно, но едва переборол желание уткнуться носом в воротник олимпийки. Да только это были ещё цветочки, неожиданно накатило столь лютое зловоние, что проняло даже Зинчука.

– Фу! – зажал он пальцами ноздри. – Кто навонял?!

– Дышите глубже, пролетаем Сочи! – заржал в ответ Чиж.

Ладно хоть ещё автомобиль почти сразу остановился у подъезда; я выскочил на улицу и с невероятным облегчением глотнул свежего воздуха.

– Серый, давай резче! Время! – поторопил меня Фролов.

Пацаны выбрались из «буханки» и закурили, а я поднялся к себе. Только отпер дверь, и в коридор из комнаты выглянул заспанный дядька.

– Ты чего так рано? – удивился он, кинув быстрый взгляд на висевшие на стене часы.

– Подработка подвернулась, – сообщил я и кинул на тумбочку три мятых двухсотрублёвых купюры. – Хоть с деньгами полегче будет.

– Это дело! – обрадовался дядя Петя. – Уже уходишь?

– Ага.

Я быстро переоделся, заодно прихватил сумку с тетрадями; туда же переложил и топорик. Всё верно: просто так, на всякий случай.

От меня погнали напрямик на вокзал. Московский фирменный прибывал на первый путь, мы бросили «буханку» на парковке у автовокзала, а сами прошли к платформам по улице. Приехали заранее, но оказались из встречающих далеко не первыми, а немного погодя через задние двери у перехода над путями потянулись и те, кто дожидался прибытия поезда в здании.

– По расписанию идёт, – решил Андрей, взглянув на электронную «Монтану».

Я посмотрел на собственные часы, которые вчера вечером подвёл по сигналам точного времени, передёрнул плечами и спросил:

– Вагон у него какой?

– Нормально стоим.

Нормально? Да не сказал бы. Я опрометчиво вышел из дома в одной рубашке, и хоть день, как и вся предыдущая неделя обещал выдаться жарким, с утра было на редкость свежо. Это пацанам хорошо в олимпийках, сам вот-вот зубами клацать начну. И чего свитер не стал надевать – зря купил, что ли? Ещё и бедро после вчерашнего пинка ломит, присел бы, да некуда. Ни одной лавочки не вижу.

Подшли две цыганки, начали заговаривать зубы, и Евгений даже втянулся в беседу, но тут в дальнем конце платформы показался локомотив, и гадалок мигом отшили.

– Ну и где эта наглая рожа? – проворчал Рома, когда из вагонов начали выбираться пассажиры с неподъёмными на вид чемоданами.

– Третий вагон, – сказал Андрей, а только мы двинулись в нужном направлении, из открытых дверей прямо на перрон выбросили пухлый клеёчатый баул. Рядышком шмякнулась ещё одна столь же объёмная клетчатая сумка, а последнюю и явно наиболее увесистую выволоч из вагона длинный и тощий парень в потёртых джинсах и бежевой замшевой куртке – Дима Воробьёв, он же Воробей собственной персоной.

Стоило лишь нашему приятелю освободить проход, наружу начали выбираться недовольные пассажиры, но недовольны столь объёмной поклажей Воробья оказались далеко не все. Мы не успели ещё даже окликнуть бывшего одноклассника, как между нами вклинилась парочка бритых мужичков в широких штанах и коротких кожаных куртках.

Они вознамерились взять Воробья в клещи, пришлось вмешаться.

– Дяди! Вас тут не стояло! – заявил Андрей, требовательно прищёлкнув пальцами.

Ребята в кожанках без всякой спешки развернулись, и один, повыше и крепче, с ломаным-переломанным носом сплюнул на асфальт. Второй хрустнул костяшками и угрожающе улыбнулся, засветив сразу несколько коронок жёлтого металла; этот в отличие от приятеля походил не на боксёра, а скорее на борца. Но оба спортсмены – это точно.

– Чё надо, малышня? – прогундосил боксёр.

– Шли бы вы отсюда, дяди, – попросил Фролов, и мы начали расходиться, охватывая парочку рэкетиров полукругом.

Пассажиры и встречающие мигом подались в стороны, опасаясь оказаться втянутыми в чужую разборку. Какая-то женщина даже вскрикнула, но и только – милицию никто звать и не подумал. Да ничего и не случилось. Спортсмены верно оценили расклад сил и ввязываться в драку не пожелали, отступили, отошли. Но платформу не покинули, встали на углу, принялись следить за нами злыми взглядами.

– Точно кто-то цинканул, что челнок с барахлом едет, – решил Костя.

Андрей времени зря не терял, подошёл к Воробью, поздоровался с ним и дал отмашку.

– Валим!

Вдвоём тащить баул, пусть даже и весьма объёмный, не составляло никакого труда, мы быстро перебазировались к «буханке», закинули в кузов сумки, погрузились следом и сами.

– Дюша, ты только посмотри, вдруг они на хвост сядут! – попросил Воробей, забираясь в кузов последним.

К нему тут же полез обниматься Евгений.

– Здорово, чертяка!

Следом поздоровался с Воробьём и я.

– Это Костя, – указал после этого на последнего из нашей троицы.

– Да мы знакомы, – заявил Чижов. – В начальной школе в одном классе учились.

– Точно! Здорово, Костян!

Женя Зинчук потёр ладонями.

– Ох, забухаем сегодня! Мой дембель, твой приезд. Одно к одному!

– Да, пацаны! – подался к ним Костя. – У нас на пять одно дело намечено, серьёзные деньги на кону. Бухаем после. Повод будет.

– А что за дело? – прищурился Воробей, как показалось – обеспокоенно.

Чиж кинул на меня вопросительный взгляд, но я лишь покачал головой.

– Дюша расскажет.

Нет, не собирался делать из наезда на Лемешева какого-то секрета и утаивать наши дела от Воробья тоже не планировал, просто решил, что к словам Андрея пацаны отнесутся с куда большим пониманием. Это Евгений в любую движуху с готовностью ввяжется – характер у него такой шептливый, а наш московский гость запросто может захотеть в стороне остаться. Не страшно так-то, но нам массовка не помешает, да и Воробей, пусть и худой как щепка, далеко не слабак.

– Темните вы, пацаны... – нахмурился он.

– Деньги надо с человека получить, – пожал я плечами.

– Не, у меня дел выше крыши. Ещё товар надо куда-то пристроить!

– Не гони, выделим мы тебе место, не проблема.

Воробей глянул на меня с некоторым сомнением, потом кивнул.

– Ну ладно, послушаю, что Дюша скажет.

В этот момент автомобиль повернул на проспект Ленина и, как было оговорено заранее, сразу прижался к обочине, замер у остановки общественного транспорта.

– Увидимся! – отсалютовал я пацанам, подхватил сумку и через боковую дверцу выбрался наружу. «Буханка» уехала, тогда двинулся к подземному пешеходному переходу. Пора было отправляться грызть гранит науки.

Учебный день ничем особенным не запомнился. Конспектировал лекции, отсиживался на семинарах, на переменах трепался с одноклассниками, благо сегодня не болела голова и не тянуло в сон. Правда, все разговоры неизменно сводились к завтрашней поездке «на картошку» и планам на шуры-муры с девчонками, а темы эти были мне малоинтересны.

По окончании занятий я отказался от совместного похода в столовую и поехал домой. Точнее – отправился встречать Зинку, не забыв по пути купить два батончика «Марса». Ну и встретил, обнял и поцеловал.

– Серёжа! – Девчонка смущённо отстранилась, подёргала себя за чёрную косичку и попросила: – Ну не на всеобщем же обозрении! Веди себя прилично!

– А вчера...

– Вчера я тебя целовала! Мне можно! – Зинка взяла меня под руку и предложила: – Идём? Я забрал её увесистый дипломат и машинально оглянулся, но ни «бычка», ни его чернявого приятеля среди покидавших школу учеников не заметил и потому спросил:

– Филя не дурил?

Зинка покачала головой.

– Они с Артуром поначалу совсем пришибленные были, потом успокоились. Я с ними не общалась.

– Газовый баллончик с собой взяла?

– Взяла, – подтвердила девчонка. – А ты уже завтра уезжаешь?

– Ага, – кивнул я, заметил, как разом погрузнели серые глазщицы, и не удержался, чмокнул подругу в лоб. – Всё будет хорошо. Ненадолго же!

– На две недели!

– Во-первых, на десять дней. А во-вторых, даже две недели – это не два года.

Зинка вздохнула и прижалась к моему плечу щекой, но сразу успокоилась и предложила:

– Покормить тебя?

– Конечно! Когда это я от обеда отказывался!

Увы, обедом и чаем с шоколадными батончиками всё и ограничилось, даже не поговорили толком. Всё испортила младшая сестрица Зинки, умудрившаяся невесть как простыть в эдакую теплынь. В школу из-за красного горла она не пошла, но и постельный режим не соблюдала, носилась по всей квартире, будто нарочно заявляясь в самые неподходящие моменты. Ну а ко мне Зинка подниматься не захотела.

– Буду это чудовище малолетнее лечить, – разочарованно пояснила она. – А то опять маме нажалуется, что бросила её одну бедную-несчастную.

Да меня и самого уже начинало поджимать время, только переоделся и сразу пошёл в гаражи, где и застал Андрея Фролова за вдумчивым изучением внешнего вида «буханки».

– Как думаешь, эта вмятина на двадцать штук потянет? – спросил он, указав на покорёженное крыло.

– На сколько договорились, на столько и потянуло, – пожал я плечами. – Мне просто ситуация сама по себе не нравится.

Андрей вздохнул и провёл ладонью по короткому ёжику светлых волос.

– Серёг, ты же понимаешь, что не прийти мы не можем?

– Не можем, – согласился я и развивать эту тему не стал, спросил: – Где все?

– Внутри, – кивнул Фролов на бокс.

– Не пьют хоть?

– Не, диваны сколачивают, а Воробей байки травит. Массовик-затейник, блин!

Я оставил приятеля во дворе, сам заглянул в гараж, где помимо пацанов, принимавших участие в утреннем спасении челнока, обнаружили Лёня Гуревич и Тихон Морозов. Только никто сборкой мебели уже не занимался, все сидели на паре сколоченных диванов и слушали разглагольствования Воробья. В своих высоких импортных кроссовках, фирменных джинсах и короткой замшевой куртке, пусть та и висела как на пугале, он смотрелся на фоне наших спортивных костюмов натуральным иностранцем. Лёня Гуревич и тот свой лоск как-то подрастерял.

Что порадовало – пусть пацаны и забили на работу, пива никто не пил, Толстый так и вовсе попутно делал какие-то пометки в журнале учёта: не иначе вёл бухгалтерию. К нему я и подошёл.

– Тиша, что с деньгами?

– Какими деньгами? – не понял Толстый.

– Моими деньгами. За август!

– А-а-а! – понимающе протянул Тихон, наполнил стеклянную баночку газировкой, без спешки осушил её и невпопад сообщил: – Я вчера выдавал.

– Ну и? Меня вчера не было.

– А сегодня нет денег. Завтра принесу.

– Блин, Тиша! Я завтра на картошку уезжаю!

Пацаны заржали, будто сказал что-то смешное, а Тихон пожал пухлыми плечами.

– Значит, как приедешь, выдам. Сразу с авансом.

Я плюнул и налил себе газировки, сделал глоток и отставил баночку в сторону.

Сладкая гадость!

– А «на картошку» – это подработка такая? – спросил Воробей.

– Отработка, – хмуро проворчал я в ответ.

– Эх, провинция! – покачал головой наш столичный друг. – Вот Москва – это тема! Там такая движуха, такие сумасшедшие бабки крутятся! Здесь такого и близко нет! Со всей страны деньги туда собираются!

– А как же Ленинград? – поинтересовался Лёня Гуревич, в кои-то веки бросивший терзать джойстик игровой приставки.

– Не Ленинград, а Санкт-Петербург! – выставил вверх указательный палец Воробьёв. – А бедно там, что сказать могу. Нет, возможностей куда больше, чем в провинции, но с Москвой никакого сравнения. Видели бы вы, какие в столице вещевые рынки! Одна Лужа чего стоит!

– А ты в «Макдональдсе» был? – полюбопытствовал Тихон.

– Кто о чём, а Толстый о жратве! – рассмеялся Зинчук, а вот челнок кивнул.

– Был, ага.

– И как?

– Это всё понты, пацаны. В Москве есть куча куда более крутых заведений. Вы с нашей дырой-то не сравнивайте!

– В Москве, в Москве! И чего вернулся тогда из ненаглядной столицы нашей родины? – скривился в скептической улыбке Гуревич. – Ну если там рай земной?

Воробьёва неудобный вопрос в тупик не поставил.

– А там без связей ловить нечего. Всё поделено уже. Какие точки менты не крышуют, те бандиты держат. Тому плати, этому плати. Иначе кирдык! А ещё передел постоянно идёт, заезаешься – и привет! Но что самое поганое – там чурок до фига и больше. Все чёрные в

землячества собрались, других за людей не держат. И не понять, что промеж собой базарят. Гыр-гыр-гыр!

– Это да! – оживился Женя Зинчук. – В армии с чурками реально проблемы были. Как в стаю собьются – туши свет! И самые упоротые из Средней Азии. Докажи, Енот!

Я кивнул, а Рома только рукой махнул.

– Воробей, хорош нам по ушам ездить! Я ж тебя встречал в Москве – ты от восторга пищал. Что изменилось за это время?

Дима Воробьёв немного помялся и признался:

– В карты серьёзно проигрался. С каталами случайно пересёкся, ну и там такой долг повис, что проще сразу повеситься.

– И ты сдёрнул?

– Сдёрнул, – подтвердил Воробей. – Пережду время, попробую здесь расторговаться. Где товар брать, знаю. Пусть чуть дороже будет, зато без проблем. Блин, вы не представляете, как автобусы из Германии и Польши рэкетеры трясут! Проще переплатить. Только надо сбыт наладить. Точки нужны.

– На рынок пойдёшь? – предположил Лёня Гуревич. – Так там своя мафия.

В этот момент со двора зашёл Андрей Фролов, он и предложил:

– У меня мебельный салон в «Ручейке», можем и твои шмотки пристроить. На аренде экономия выйдет.

– Обсудим! – поддержал эту идею Воробей. – Полежат пока баулы здесь? Ничего с ними не будет?

– В каморку закинем и пусть лежат, – сказал Фролов. – Ладно, пацаны, хорош вола пинать! Выдвигаться пора! Ехать недалеко, но лучше заранее на месте быть.

– А кто вам денег должен? – поинтересовался Зинчук.

– Перегонщик один, – просветил его Костя. – И он не просто денег должен, мы его крышевать собираемся.

– Да ладно?

– Ага, – кивнул безмерно довольный собой Чиж.

Пацаны присвистнули.

– И много денег выходить будет?

– Нормально.

– Двинули! – повысил голос Андрей Фролов.

И, удивительное дело, вместе с нами намылились Лёня и Тихон, от которых на разборках мог выйти один только сплошной вред.

Я придержал Гуревича и попросил:

– Вы нас здесь подождите. Мы потом пивом затаримся и приедем.

Но не тут-то было.

– Не-а! Мы с вами!

– Не нужно! – поддержал меня Фролов. – Лёня, вам там делать нечего.

Тихон Морозов был с этим утверждением всецело согласен и сразу двинулся обратно к телевизору с игровой приставкой.

– Серьёзно, Лёня. Давай пока в «танчики» зарежемся!

Да только Гуревича уже понесло – то ли острых ощущений захотелось, то ли решил какую-то выгоду для себя вымутить, но оставаться он не пожелал и упрямо выпятил нижнюю губу.

– Дюша, вы на машине собрались ехать? «Буханка» наша! Либо едем вместе, либо шуруйте пешком!

– Да хорош! – попытался усюветить его Андрей.

– Я всё сказал! Либо так, либо никак!

– Хрен с тобой, золотая рыбка!

Пришлось плюнуть и взять эту парочку с собой. Тихона Морозова, как самого толстого из всех, посадили на пассажирское место в кабину, но даже так не могу сказать, будто разместились в кузове с особым комфортом.

– Ты к «курытнику» сразу не подъезжай, – проинструктировал Андрей нашего бессменного водителя. – Остановись у садика. Пошлём сначала кого-нибудь на месте осмотреться.

– Понял, – откликнулся Рома, завёл двигатель и оглянулся. – У меня монтировка, вы что-нибудь брать будете?

Андрей отрицательно мотнул головой, но тут же передумал, зашёл в бокс и вернулся с двумя киянками. Плюс у меня топорик в сумке – нормально. Мы же не разборки устраивать едем, в самом-то деле.

– Мужики, вы серьёзно? – забеспокоился Тихон Морозов.

– Не ссы, Толстый! Просто поговорим, – отмахнулся от него Андрей, запер гараж и забрался к нам в кузов.

– Насчёт разведки, это ты правильно придумал, – поддержал я его идею и спросил: – Дима, сходишь? Тебя в городе давно не было.

– Я могу, – вызвался Лёня.

– Да ты никого не знаешь! – усмехнулся Воробей. – Не проблема, схожу.

На этом тему и закрыли.

Ехали недолго, от силы минут пять, даже растрясись не успели, хоть в асфальтовом покрытии дороги тут и там зияли глубокие ямы, а само оно местами вспучилось. Разве что у меня зануло бедро, в которое вчера пришёлся пинок, да и то не особо сильно.

Рома припарковал автомобиль у детского сада, мы выгрузились, и Воробей распаковал новую пачку «Винстона», угостил пацанов.

– Кого-то конкретного смотреть? – спросил он, прикуривая.

– Нет, – покачал головой Фролов. – Главное, чтобы ментов не было. Ну и на цыган внимание обрати.

– И не только со стороны улицы, – предупредил я. – Ещё во двор загляни.

– Сделаю. Покурю и пойду.

Ну и покурил. Торопиться так и так было некуда – приехали мы сильно заранее.

– Не жарко тебе в куртке? – спросил вдруг челнока Костя.

Ну да – если поутру на улице было откровенно прохладно, то день выдался по-летнему тёплым. И всё же Воробей лишь презрительно фыркнул.

– Не в спортивном же ходить! Это вы у нас гопники!

Чиж пропустил обидное словечко мимо ушей, зажал сигарету в уголке рта и двумя пальцами помял замшу.

– Зачётная кожа, – вздохнул он.

– Надо? – заинтересовался Воробей. – Отдам со скидкой. Дешевле чем всякое барахло в «Ле Монти» выйдет.

– Прямо свою отдашь?

– Зачем? Я сразу несколько привёз.

– Махнёшь на цепь? – с усмешкой предложил Женя Зинчук, оттянув ворот олимпийки.

Воробей протянул руку и требовательно прищёлкнул пальцами. Евгений упрямитесь не стал, снял цепочку с шеи, ссыпал её жёлтые звенья в ладонь челнока. Глаз у того был намётан, да и по весу всё понял сразу, вернул и несколько даже обиженно заявил:

– Это не золото!

– Вот ты гонишь, Димон! – заржал Зинчук. – Откуда у меня золото? Но согласись – выглядит солидно.

– Да ну тебя!

Дима Воробьёв кинул окурок на асфальт и двинулся вдоль ограды детского сада к проглядывавшему из-за деревьев дому, в котором жил Лемешев. Ну а мы остались его дожидаться.

– А что за тема вообще? – поинтересовался Рома. – Сколько по деньгам выходить будет?

– Да уж больше чем на мебели, если всё правильно сделать, – усмехнулся Чиж. – Дюша, без обид!

Андрей Фролов только рукой махнул и указал на мятое крыло «буханки».

– Короче, пацаны, если что-то пойдёт не так и подвалят менты, мы просто получаем деньги на ремонт после аварии.

– Ты это серьёзно? – забеспокоился Толстый. – Лёнь, может, они сами?

Я только вздохнул. Самоустроился бы с превеликим удовольствием, да только фиг там; не вариант. И понять не могу, чего Гуревич так упирается. Неужели детство в жопе заиграло?

– Идёт, – ткнул меня локтем в бок Фролов, потом сцепил пальцы и хрустнул костяшками.

И точно – из-за ограды вывернул Воробей. Шёл он быстро, но вовсе не бежал. Впрочем, ему-то в любом случае бежать не было никакой нужды – он не при делах. По крайней мере, пока.

– Всё чисто, – успокоил нас челнок. – На улице никого, во дворе только бабки сидят.

– Ништяк! – обрадовался Фролов. – Всё спокойно, значит?

– Ага, тишина и спокойствие. Ещё у «курятника» Кислого с пацанами видел. По ходу, в кино собрались.

Тут мы с Андреем хором и выдали:

– Бля-я-я...

08|09|1992

Вечер

Я встретился взглядом с Андреем, и мы, не сговариваясь, уставились на Чижа. Тот молча захлопал глазами – уже понял, что из-за своего желания крышевать перегонщика втравил нас в какие-то неприятности, но пока ещё не сообразил, насколько всё серьёзно. Ну да – в город он вернулся только летом, не успел ещё с братвой Кислого пересечься.

– А что такое? – удивился Воробей, который за проведённое в Москве время отвык от наших провинциальных реалий. – У вас с ними тёрки, что ли?

– Типа того, – проворчал Андрей и выжидающе посмотрел на меня.

Я покачал головой.

– Без вариантов, Дюша. Не попёрлись бы они сюда кино смотреть. Они в «Аврору» ходят. Да и не бывает таких совпадений. Стопудово Лемешев позвал.

Пацаны заметно напряглись, а Фролов привычно встопорщил короткий ёжик светлых волос.

– Могу за Графом метнуться, – предложил он.

– Чтобы как в прошлый раз получилось? – разозлился я. – На хер Графа!

– А какие варианты? – развёл руками Андрей и потребовал подробностей: – Дима, их сколько там было?

Воробей озадаченно хмыкнул и начал загибать пальцы.

– Кислые – старший и младший. Пантелей. Захар. Клёпа и Бонифаций. Шестеро, получается. Больше никого не заметил.

– Захар – это Тёма Захаров? – уточнил я, а после подтверждающего кивка пожал плечами. – Уже легче. Их шестеро, нас шестеро. Запинаем, если быковать начнут.

Андрей Фролов досадливо поморщился.

– Запинать – запинаем, но потом проблемы будут. Об этом ты подумал?

– А у нас теперь по любому проблемы будут! – выдал я и зло глянул на Чижа, но выговаривать ему не стал. Надо было самому Лемешева раскручивать, чего теперь-то психовать? Теперь как-то выкручиваться надо.

– Э! Стоп-стоп! Пацаны, вы чего? – опешил Романов. – Вы в натуре с Кислым занозиться решили?

– А у нас выхода нет, – вздохнул Андрей.

– Давайте просто не придём.

– Не прокатит. Не придём мы, придут они. Уже к нам. И что мы им скажем?

– А ничего не скажем, – сплюнул я. – Либо мы сейчас продавливаем свою позицию, либо признаём, что неправы. И тогда уже простым возвратом денег не отделаемся.

Рома напряжённо засопел, и Женя Зинчук дёрнул его за руку.

– Да успокойся ты! Главное, монтировку под рукой держи. Клёпа по жизни с пером ходит.

– Жека, ты совсем дурак?

– А чё? – фыркнул Зинчук, который до армии запросто мог ввязаться в драку просто по живости характера. Свербело у него в одном месте, проще говоря. Да и за старое поквитаться, полагаю, не прочь был.

– Бонифаций тоже с ножом, – предупредил я, вспомнив нашу прошлую стычку с братвой Кислого.

Воробей не выдержал и всплеснул руками.

– Да подождите вы! – потребовал он. – Объясните толком, в чём проблема!

Ну мы и объяснили. Тогда челнок потёр переносицу и уточнил:

– То есть, получается – вы правы?

– Ну да, – кивнул я. – Только Костя перегнул с крышеванием. За это и зацепятся.

– Это уже частности! – отмахнулся Воробей. – Главное, что был косяк, и деньги вы не просто так забрали, а в качестве компенсации. На это и надо упираться.

– Дима, ты как маленький! Да нас никто даже слушать не станет! – поморщился Андрей Фролов. – Было бы круто, конечно, на базаре съехать, только они сходу прессовать начнут. Не получится спокойного разговора!

– Нужен тот, кого станут слушать, – решил Воробьёв и оценивающе посмотрел на Чижа. – Костя, ты когда в город вернулся?

– Летом, а что?

– Пересекался уже с Кислым или его пацанами?

– Нет, – как-то не слишком уверенно ответил Чижов. – Не помню такого.

Тогда Воробей обратился уже ко всем остальным.

– Получается, они его не знают?

– Не должны, – кивнул Андрей. – Ты к чему это?

Вместо ответа челнок стянул с себя замшевую куртку и протянул её Чижову, следом сунул тёмные очки.

– Мастерку давай. Евгений, с тебя цепь. И, Лёня, болт у тебя понтовый, тоже нужен будет.

Гуревич аж ладонью золотой перстень накрыл.

– Это папин!

– Да без разницы! Я свою кожанку тоже не насовсем отдаю! Костя у нас авторитетом будет, ему прикид соответствующий нужен. Иначе не прокатит.

– Они ж рано или поздно узнают, что я ряженный! – засомневался Чижов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.